

ПАДАЛКИ.

ПО ВОПРОСУ О
СУЩЕСТВ. ЗАПОР.
СЕЧИ

S 38
451

2007044176

451.

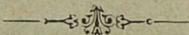
ПО ВОПРОСУ

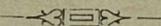
СУЩЕСТВОВАНИИ ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧИ

ВЪ ПЕРВЫЯ ВРЕМЕНА

ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

Д. Ладалки.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ,

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1894.

S $\frac{38}{451}$

9

ПО ВОПРОСУ

○

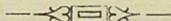
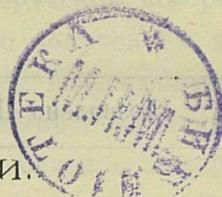
СУЩЕСТВОВАНИИ ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧИ

ВЪ ПЕРВЫЯ ВРЕМЕНА

ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

Л Падалки.

Оттисвъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ,

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1894.

ПО ВОПРОСУ

СВЯЩЕНСТВУЮЩИХ ЗАПОРЖСКОЙ ЕПАРХИИ

ВЪ ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА

ЗАПОРЖСКОГО ПОСАДСКОГО РАЙОНА

Дозволено Цензурою Кіевъ 9 Іюня 1894 г.

По вопросу о существовании Запорожской Сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества.

I.

Вопросъ о времени возникновенія, а также о мѣстѣ первой запорожской Сѣчи является однимъ изъ наименѣе выясненныхъ вопросовъ козацкаго періода южнорусской исторіи. Прослѣдимъ прежде всего положеніе даннаго вопроса въ наиболѣе важныхъ трудахъ по южнорусской исторіи. Максимовичъ, впервые поставившій изученіе южнорусской исторіи на научную почву, изслѣдуя общій вопросъ о происхожденіи запорожскаго козачества, не коснулся занимающаго насъ вопроса. Въ историческихъ трудахъ Костомарова также не выдвинуты вопросы ни о времени возникновенія Запорожской Сѣчи, ни о мѣстахъ ея пребыванія. По данному вопросу въ трудахъ названнаго историка встрѣчаются только случайныя упоминанія. Антоновичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по южнорусской исторіи, строго придерживаясь источниковъ, въ изложеніи о первыхъ временахъ запорожскаго козачества, говоритъ лишь о Запорожьи и запорожской общинѣ, не упоминая о Запорожской Сѣчи. Отмѣчая въ 4-мъ десятилѣтіи 16 вѣка основаніе княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ перваго козацкаго поселка на низовьяхъ Днѣпра, Антоновичъ называетъ этотъ населенный пунктъ не запорожской Сѣчью, а Хортицкимъ укрѣпленіемъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ строго научныхъ трудахъ по южнорусской исторіи мы не встрѣ-

¹⁾ Антоновичъ, Исторія мал. козачества Литограф. Записки, стр. 24—25.

чаемъ данныхъ ни о времени, ни о мѣстѣ Сѣчи въ первое время существованія запорожскаго козачества.

Мнѣніе о существованіи Сѣчи въ первый періодъ козацкой исторіи получаетъ распространеніе въ отдѣльныхъ историческихъ работахъ послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго“ А Скальковскаго. Хотя Скальковскій на основаніи письменныхъ актовъ называетъ въ этомъ трудѣ первую Сѣчю Старую Сѣчь на Чортотмыцкѣ, но наряду съ этимъ онъ допускаетъ существованіе запорожской Сѣчи и на островѣ Хортицѣ „еще въ героическій періодъ запорожской общины“. Мнѣніе Скальковскаго объ орденской организаціи запорожскаго козачества, высказанное имъ наряду съ догадкой о хортицкой Сѣчи, было отвергнуто позднѣйшими изслѣдователями вслѣдствіе произвольности такого мнѣнія; догадка же о существованіи запорожской Сѣчи на островѣ Хортицѣ осталась неразъясненною ¹⁾.

Впервые, насколько намъ извѣстно, отмѣчаютъ существованіе Сѣчи въ первое время запорожскаго козачества Ригельманъ и Мышецкій, писавшіе свои труды по исторіи запорожскаго козачества частію по непровѣреннымъ изустнымъ преданіямъ, частію по козацкимъ хроникамъ, авторы которыхъ точно также небезупречны въ отношеніи достовѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Ригельманъ въ своемъ „Лѣтописномъ повѣствованіи“ основаніе первой запорожской Сѣчи относитъ къ послѣдней четверти 16 в., когда по реформѣ Стефана Баторія учреждена была за порогами постоянная сторожа изъ козаковъ для предотвращенія татарскихъ набѣговъ ²⁾. Мышецкій первую Сѣчь указываетъ на урочищѣ Седневкѣ, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, признавая мѣстами запорожской Сѣчи также Черкасы, Переволочну, Хортицу и т. д. ³⁾.

Къ позднѣйшему времени относится разработка занимающаго насъ вопроса, предпринятая г. Эварницкимъ въ цѣломъ

¹⁾ Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго; изд. 1841 года, стр. 156.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтописное повѣствов., стр. 26.

³⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож., стр. 9.

рядѣ статей и монографіи по исторіи Запорожья. Специально этотъ вопросъ разсматривается названнымъ авторомъ въ его трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, гдѣ насчитывается восемь мѣстъ, занимаемыхъ въ разное время запорожскими Сѣчами, при чемъ первая по времени Сѣчь приурочивается къ острову Хортицѣ¹⁾“. Такое же мнѣніе по данному вопросу высказано и въ послѣдующихъ работахъ г. Эварницкаго по исторіи запорожскаго козачества. Не входя въ разборъ доводовъ автора касательно существованія запорожскихъ Сѣчей въ томъ или другомъ мѣстѣ, мы рассмотримъ здѣсь данныя, относящіяся исключительно къ вопросу, существовала ли запорожская Сѣчь на островѣ Хортицѣ?

Необходимо сперва разобраться въ неточностяхъ и недосмотрахъ существующихъ въ исторической литературѣ, относительно топографіи острова Хортицы и примыкающихъ къ ней мѣстностей. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ исторіи запорожскаго козачества, обычно трактуется объ одномъ островѣ Хортицѣ; между тѣмъ такой достовѣрный источникъ для исторіи Запорожья, какъ дневникъ Эриха Лассоты, даетъ совершенно определенное указаніе на существованіе двухъ Хортицкихъ острововъ: острова Большой Хортицы и о—ва Малой Хортицы. Обстоятельство это является существенно важнымъ потому, что первое козацкое укрѣпленіе на низовьяхъ Днѣпра построено было не на томъ Хортицкомъ островѣ, какой существуетъ въ настоящее время (о—въ Большая Хортица) и обычно принимается за мѣсто запорожской Сѣчи, а на существовавшемъ въ прежнее время о—въ Малой Хортицѣ, соединившемся теперь съ материкомъ. Въ запискахъ Эриха Лассоты, путешествовавшего на Запорожье въ 1594 г., объ островѣ Малой Хортицѣ читаемъ: „затѣмъ (т. е. миновавъ о—въ Большую Хортицу) пристали къ берегу ниже близъ лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкаго, разрушенный потомъ турками и татарами“. Запись Лассоты: „*пристали къ берегу ниже острова Малой Хор-*

¹⁾ Эварницкій, Запор. въ остаткахъ стар. и преданіяхъ народа, т. I.

тмцы“ опредѣленно указываетъ на положеніе этого острова выше Большой Хортицы. На протяженіи Днѣпра отъ о—ва Большой Хортицы и до пороговъ въ настоящее время есть только одинъ небольшой островъ Вербовый, лежащій между послѣднимъ Вольнымъ порогомъ и крутымъ поворотомъ Днѣпра на югъ. Но къ этому острову не можетъ относиться приведенное выше свидѣтельство Лассоты уже по одному тому, что о—въ Вербовый, будучи низменнымъ, не могъ быть пригоднымъ для сооруженія замка Вишневецкаго ¹⁾).

Есть достаточное основаніе приурочивать о—въ Малую Хортицу къ высокому выступу праваго берега на мѣстѣ крутаго поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ. Вотъ это основаніе. Нынѣшній „степокъ“ колоніи Кичкаса, находящійся въ этомъ мѣстѣ, имѣетъ весьма существенные признаки былаго острова: 1) со стороны, противоположной Днѣпру, названный выступъ примыкаетъ къ довольно глубокой ложбинѣ, огибающей его съ западной и юго-западной сторонъ. (Между русломъ Днѣпра до поворота его на югъ и за этимъ поворотомъ, какъ отмѣчено на прилагаемой картѣ); 2) отмѣченная ложбина усыпана камнями разной величины, большею частію гладышами, очень

¹⁾ Ф. Брунъ, авторъ примѣчаній къ „Дневнику“ Лассоты, разыскивая по смыслу „Дневника“ о—въ Малую Хортицу выше Большой Хортицы и, не находя до самыхъ пороговъ другаго острова, кромѣ Вербоваго, къ этому послѣднему острову и приурочиваетъ о—въ Малую Хортицу. Свою догадку Брунъ основываетъ на томъ обстоятельстве, что въ дневникѣ Лассоты о—въ Малая Хортица не упомянуть по пути на Запорожье, при чемъ умолчаніе это Брунъ объясняетъ предположеніемъ, что Вербовый о—въ въ началѣ іюня, когда Лассота спускался внизъ по Днѣпру, могъ быть покрытъ водою. Не говоря о томъ, что заливаемость Вербоваго о—ва исключаетъ возможность сооруженія на немъ укрѣпленія вблизи возвышенныхъ мѣстностей, догадка Бруна не имѣетъ подъ собою основанія потому, главнымъ образомъ, что отсутствіе въ 19 столѣтіи острововъ на Днѣпрѣ между порогами и островомъ Хортицей, кромѣ Вербоваго о—ва, не доказываетъ несуществованія здѣсь острововъ въ концѣ 16 вѣка. Умолчаніе Лассоты по пути на Запорожье объ о—въ Вербовомъ—Малой Хортицѣ—по предположенію Бруна, можетъ объясняться тѣми же обстоятельствами, какъ и умолчаніе о другихъ мѣстностяхъ, т. е. обычнымъ пропускомъ, тѣмъ болѣе возможнымъ въ данномъ случаѣ, что Лассота проѣзжалъ по пути на Запорожье эту мѣстность вечеромъ, какъ видно изъ его „Дневника“, а къ тому еще потревожилъ былъ близкою опасностью потерпѣть крушеніе на Вольномъ порогѣ. (Путевыя Записки Э. Лассоты, стр. 29, 53, 84).

напоминающими русла высохшихъ рѣкъ и, наконецъ, 3) весьма важнымъ даннымъ для выясненія занимающаго насъ вопроса является плотина, загораживающая съ сѣверной стороны вершину этой ложбины отъ напора воды изъ Днѣпра; уровень воды въ Днѣпрѣ у этой плотины настолько высокъ, что и теперь, если бы устранить плотину, при весеннемъ половодьи „степокъ“ колоніи Кичкасъ былъ бы отрѣзанъ значительнымъ протокомъ отъ праваго берега. Очевидно, что лѣтъ 300 назадъ, при болѣе высокомъ среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, огибающая „степокъ“ ложбина была дномъ днѣпровскаго протока.

Къ этому мѣсту приурочивать о—въ Малую Хортицу побуждаетъ также общее топографическое устройство данной мѣстности. Отмѣченный „степокъ“ въ восточной и сѣверо-восточной части значительно возвышается надъ окрестностями, достигая такой же высоты, какъ и возвышенная часть сосѣдняго о—ва Большой Хортицы. Между тѣмъ характеръ низкихъ песчаныхъ береговъ Днѣпра отъ пороговъ до поворота его на югъ исключаетъ возможность существованія здѣсь когда бы то ни было острова, пригоднаго для сооруженія замка, точно такъ же, какъ и такой же характеръ береговъ отъ отмѣченнаго выше выступа на мѣстѣ поворота Днѣпра на югъ до острова Большой Хортицы. Ниже будетъ приведена болѣе подробная характеристика мѣстностей, окружающихъ о—въ Большую Хортицу; здѣсь же умѣстно будетъ рассмотреть мнѣніе г. Эварницкаго, высказавшаго догадку, что о—въ Малую Хортицу слѣдуетъ приурочить къ Канцеровскому островку, расположенному съ правой стороны о—ва Большой Хортицы, при впаденіи въ старое русло Днѣпра Канцеровскаго оврага ¹⁾:

Основаніемъ для такого мнѣнія послужили остатки укрѣпленій на этомъ островкѣ, относимые г. Эварницкимъ почему-то ко времени Дмитрія Вишневецкаго и Конашевича Сагайдачнаго. Ниже, при обзорѣ остатковъ старины въ данной мѣстности, мы увидимъ, что бывшія здѣсь укрѣпленія входили въ

¹⁾ Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, т. I, стр. 216—218.

составъ Миниховскаго укрѣпленнаго лагерь, какъ дополненіе къ главнымъ укрѣпленіямъ, сооруженнымъ Минихомъ на о-вѣ Большой Хортицѣ.—Несомнѣнные слѣды пребыванія Сагайдачнаго находятся на противоположной лѣвой сторонѣ Днѣпра, сохранившись въ названіяхъ урочища „Сагайдашне“ и „Сагайдаковаго лѣзка“ на примыкающей къ этому урочищу „Средней скелѣ“. Искать-же слѣдовъ пребыванія Сагайдачнаго на Канцеровскомъ островѣ не даютъ основанія ни историческія свидѣтельства, ни остатки старины, ни живыя урочища, связанные съ историческими дѣятелями. Что касается укрѣпленія Дмитрія Вишневецкаго, то приурочиваніе его къ Канцеровскому островку у г. Эварницкаго явилось результатомъ неправильнаго толкованія приведенной нами выше записи въ дневникѣ Лассоты: „затѣмъ (т. е. миновавъ о-вѣ Большую Хортицу) пристали къ берегу ниже близъ лежащаго острова Малой Хортицы“. Какъ видно изъ прилагаемой карты, Канцеровскій островокъ (онъ же Вырва) лежитъ не выше о-ва Большой Хортицы, а пріютился почти противъ середины возвышенной сѣверной части названнаго острова; между тѣмъ, руководясь точнымъ смысломъ приведенной записи, о-вѣ Малую Хортицу нужно искать безусловно выше о-ва Большой Хортицы. Противъ догадки г. Эварницкаго относительно мѣстоположенія несуществующаго теперь о-ва Малой Хортицы неопровержимо говоритъ то обстоятельство, что Лассота, какъ можно видѣть изъ порядка его топографическихъ замѣтокъ, по пути съ Запорожья вверхъ по Днѣпру плылъ не рѣчищемъ Днѣпра, при которомъ расположенъ Канцеровскій островокъ, а новымъ его русломъ. Лассота пишетъ: „прошли мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками“, изъ чего слѣдуетъ прямо заключать, что Лассота при путешествіи вверхъ по Днѣпру,—тогда именно, когда онъ и упоминаетъ объ о-вѣ Малой Хортицѣ,—плылъ, держась лѣваго берега Днѣпра, такъ какъ проѣзжать мимо существующей и въ настоящее время рѣки Большой Московки можно только выбравъ путь по новому руслу Днѣпра, примыкающему къ лѣвому его берегу. Поднимаясь же вверхъ по Днѣпру новымъ его русломъ, Лассота не только не могъ пристать къ берегу ниже

Канцеровскаго о-ва, но даже не могъ видѣть этого миніа тюрнаго островка, загороженнаго громаднымъ о-вомъ Большой-Хортицей, какъ это можно прослѣдить по картѣ описываемыхъ мѣстностей.

При выясненіи вопроса о слѣдахъ исторіи, а слѣдовательно и о слѣдахъ Запорожской Сѣчи на одномъ изъ Хортицкихъ острововъ, представляется существенно важнымъ отмѣтить важнѣйшія особенности вообще мѣстностей, прилегающихъ къ острову Большой Хортицѣ, такъ какъ въ историческомъ отношеніи, всѣ они, какъ увидимъ, довольно тѣсно связаны между собою.

Занимающій центральное положеніе въ описываемой мѣстности о-въ Большая Хортица расположенъ въ вершинѣ Великаго Днѣпровскаго луга, верстъ на 10 ниже послѣдняго порога Вольнаго. О-въ Большая Хортица наибольшій изъ Днѣпровскихъ острововъ: по даннымъ плана колоніи о-ва Хортицы онъ занимаетъ площадь въ 2547 десятинъ, т. е. около $24\frac{1}{2}$ квадратныхъ верстъ. Достопримѣчательности о-ва сосредоточились исключительно въ сѣверной гористой части острова, составляющей почти двѣ трети его поверхности. Къ такимъ достопримѣчательностямъ относится прежде всего высоко поднимающійся вверхъ и господствующій надъ обширною окрестностью сѣверо-западный край острова, извѣстный подъ названіемъ „*Верхней головы*“. У подножья „Верхней головы“ обращаетъ на себя вниманіе „*Зміева пещера*“, представляющая собою расщелину между скалами съ довольно глубокою ямою внизу. Неизвѣстно, почему эта пещера называется Зміевою, но не безъинтересно, что на нижнемъ Днѣпрѣ не одна эта пещера носитъ такое названіе. „Зміева пещера“ есть на скалистомъ Перуновомъ островѣ, лежащемъ между порогами Будильскимъ и Гадючимъ; „зміевою норою“ называется длинная и узкая пещера на краю села Волошкаго въ Екатеринославскомъ у. Самый сѣверный пунктъ о-ва Большой Хортицы „*Черная скаля*“ въ юго-западномъ направленіи постепенно спускается въ розлогу „Музычину балку“, достопримѣчательную тѣмъ, что здѣсь мѣстные жители еще недавно находили много

остатковъ глубокой старины. Необходимо при этомъ замѣтить, что эта балка, точно такъ же, какъ и много другихъ мѣстъ надъ рѣчищемъ Днѣпра, далеко еще не обследованы, такъ какъ на этомъ огромномъ островѣ пока привлекали вниманіе изслѣдователей другія мѣста.—По правую сторону „Верхней головы“ о-ва, надъ новымъ русломъ Днѣпра, нѣсколько ниже смываемаго теченіемъ рѣки Дубоваго острова, находится живописная „Савутына скеля“, лучшее мѣсто для привала на протяженіи всего восточнаго берега острова Хортицы. За балкой „Брагарней“, лежащей ниже Савутиной скели, возвышается „Вошыва скеля“, названіе которой связано съ пребываніемъ на о-вѣ сиромыхъ-запорожцевъ, не пользовавшихся, какъ извѣстно, удобствами домашней жизни. Противъ сѣвернаго края нѣмецкой колоніи о-ва Хортицы, протянувшейся версты на двѣ вдоль берега, мѣстные жители указываютъ „Думну скелю“, послѣднюю изъ значительныхъ скалъ на восточномъ берегу о-ва. Ниже колоніи, противъ села Вознесенска возвышается „Нижня голова“, высокій круто спускающійся къ Днѣпру выступъ, за которымъ къ югу протянулась низменная часть о-ва.

Низменная часть о-ва Большой Хортицы представляетъ слегка холмистую понижающуюся къ югу равнину, сплошь заливаемую Днѣпромъ при большихъ весеннихъ разливахъ. Слѣдами этихъ разливовъ явилось нѣсколько озеръ, наполняющихъ природныя углубленія этой части острова. Значительную площадь прежде занималъ здѣсь вѣковой лѣсъ, почти уничтоженный въ послѣднее время. Эта низменная часть о-ва является характернымъ переходомъ отъ скалистыхъ острововъ въ порожистой части Днѣпра къ наноснымъ о-вамъ въ чертѣ Великаго Днѣпровскаго луга, протянувшася на 100 съ лишнимъ верстъ внизъ за островомъ Хортицей.

Высокій выступъ праваго берега на мѣстѣ поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ, къ которому (выступу) мы приурочиваемъ примкнувшій къ берегу нѣкогда существовавшей о-въ Малую Хортицу, постепенно понижается по направленію къ западу, составляя довольно обширную долину, точно также постепенно возвышающуюся въ сторону Кичкасскихъ полей. То-

пографическую особенность отмѣчаемаго выступа составляет множество скалъ, которыми оточень грандіозно высокій въ этомъ мѣстѣ берегъ Днѣпра и густою сѣтью заполнена значительная часть восточной стороны острова. Двѣ безымянныхъ балки спускаются здѣсь къ берегу противъ балки Кичкаски на противоположной лѣвой сторонѣ Днѣпра. На мѣстѣ историческаго о-ва отъ сѣверо-восточнаго его угла послѣдовательно внизъ расположены „Козловскій камень“, урочище „Крынычки“ (мѣсто родниковъ), камень Ступка, камень Крячокъ и нѣсколько другихъ урочищъ и камней съ подобными же случайными названіями.

Изъ урочищъ на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ былого о-ва Малой Хортицы обращаютъ на себя вниманіе находящіяся ниже балки Кичкаски скалы „Хмарна“ и „Пугачи“, пещера „Шпола“, затѣмъ скалы „Дзвиниця“ и „Голубына“. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ скалъ относятся преданія, записанныя ревностнымъ собирателемъ произведеній южнорусскаго народнаго творчества Я. Новицкимъ, въ которыхъ міеологическій элементъ перемѣшался съ наслоеніями позднѣйшаго времени ¹⁾. Мѣстность эта рельефно описана въ трудѣ г. Эварницкаго „Запорожье въ памятникахъ старины и преданіяхъ народа“ ²⁾. На лѣвомъ же берегу Днѣпра, нѣсколько ниже Кичкаской переправы, находится также урочище „Сагайдашне“, занимающее низменную прибрежную полосу около 1 версты въ длину, при ширинѣ различной въ разныхъ мѣстахъ, — вплоть до подъема, уходящаго въ лѣвобережную степь. Урочище „Сагайдашне“ выступаетъ въ Днѣпрѣ двумя огромными скалами, извѣстными подъ названіемъ Дурной и Средней скель. „Дурна скеля“, выдавшаяся далеко въ Днѣпрѣ, отрѣзана отъ побережья узкимъ „проризомъ“ (про-

¹⁾ Бѣатеринославская газета „Степь“, за 1886 г.

²⁾ Нельзя однако не замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ г. Эварницкій и здѣсь грѣшитъ крайнимъ преувеличеніемъ. Такъ, напр., фантастически описанная пещера „Школа“ въ сущности представляетъ обыкновенный гротъ въ расщелинѣ скалы съ мало замѣтнымъ входнымъ отверстіемъ. Гротъ этотъ, протянувшійся глаголемъ, на поворотѣ узковатъ, но удобопроходимъ. Расщелина впаду, за поворотомъ пещеры не внушаетъ опасности оборваться. Въ гротѣ темно, но зажженную свѣчу удобно держать въ рукахъ.

токомъ) Днѣпра. Скала эта возвышается надъ величественнымъ въ этомъ мѣстѣ Днѣпромъ, какъ неприступный островъ. „Середня“ скалы—это почти такая же огромная скала, поросшая у подножья небольшими деревьями, растущими также и на полянахъ украшающихъ эту сообщающуюся съ берегомъ и часто посѣщаемую мѣстными жителями скалу.

На противоположной правой сторонѣ Днѣпра, противъ сѣверной части о-ва Большой Хортицы, расположенъ соединяющійся въ лѣтнюю пору съ материкомъ небольшой скалистый въ сторону Днѣпра о-въ *Вырва*, извѣстный мѣстнымъ жителямъ подъ названіемъ Канцеровскаго островка. Этотъ же островокъ въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ Мышецкаго названъ „Запорожская вервь“ ¹⁾.

Выше островка Вырвы, за Канцеровскимъ оврагомъ, находится исчезающая бухта, сооруженная, какъ увидимъ ниже, Минихомъ для стоянки судовъ „Россійской флотиліи“ во второй четверти прошлаго столѣтія, съ остатками валовъ и редутовъ, предназначавшихся для защиты этой бухты; съ сѣвера къ этой мѣстности примыкаетъ „Царская пристань“ при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Нижней Хортицы, получившая такое названіе, по всей вѣроятности, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда стояли здѣсь плоты съ казеннымъ лѣсомъ, присылаемымъ правительствомъ для переселявшихся тогда на о-въ Б. Хортицу нѣмцевъ-колонистовъ, а затѣмъ въ 1796 г. была заложена Екатеринославско-Днѣпровская верфь для постройки судовъ, предназначавшихся перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь ²⁾. Побережье Днѣпра отъ о-ва Вырвы до Царской пристани представляетъ холмистую мѣстность, покрытую большою частью сыпучимъ пескомъ; на всемъ этомъ протяженіи высатся

¹⁾ Днѣпровскіе тракты и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ А. Русова, стр. 87. Исторія о казакахъ запор. Мышецкаго, стр. 67.

²⁾ Брунь, Черноморье, т. 2, стр. 365.

Въ пользу такого мнѣнія о названіи „Царской пристани“ говоритъ еще мѣстное названіе всей примыкающей къ пристани мѣстности. Такъ говорятъ: „видемъ на Царьске“. Подобный оборотъ рѣчи могъ явиться, если говорившіе выражали принадлежность предметовъ, находившихся на пристани, казнь, царской казни.

надъ Днѣпромъ двѣ огромныхъ безыменныхъ скалы, въ промежуткѣ между которыми находится отмѣченная выше бухта.

Посрединѣ Днѣпра, при раздѣленіи его на два русла у вершины о-ва Хортицы высоко поднимаются вверхъ двѣ скалы, называемыхъ „стовбами“ ¹⁾.

При такихъ топографическихъ особенностяхъ описываемой мѣстности сохранилось здѣсь довольно много слѣдовъ, относящихся къ разнымъ періодамъ историческаго прошлаго. Всѣ сохранившіеся остатки старины въ данной мѣстности удобно подраздѣлить на ниже-слѣдующія группы, начавъ съ позднѣйшихъ остатковъ, какъ наиболѣе ясныхъ: 1) слѣды Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря на о-вѣ Большой Хортицѣ и на правой сторонѣ Днѣпра; 2) слѣды пребыванія козацкаго гетмана Конашевича Сагайдачнаго на лѣвомъ берегу Днѣпра; 3) слѣды стараго укрѣпленія на островѣ Хортицѣ; 4) слѣды валовъ на мѣстѣ соединившагося съ материкомъ о-ва Малой Хортицы, на которомъ укрѣплялся Дмитрій Вишневецкій и 5) слѣды доисторической старины на о-вѣ Большой Хортицѣ.

Слѣды Миниховскихъ укрѣпленій, весьма значительныхъ по своимъ размѣрамъ, сосредоточились, главнымъ образомъ, на о-вѣ Большой Хортицѣ. Мышецкій, военный инженеръ, современникъ Миниха, объ этихъ укрѣпленіяхъ пишетъ: въ 1738 г. на ономъ Хортицкомъ о-вѣ сдѣланъ отъ россиянъ великой ретраншаментъ, со многими редутами и флешами, на которомъ російская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, долгое время стояла ²⁾. Слѣды этихъ укрѣпленій представляютъ четыре ряда редутовъ, соединенныхъ траншеями. Какъ видно изъ прилагаемой карты, самый длинный рядъ редутовъ идетъ отъ Черной скалы въ сѣверной части острова почти по прямой линіи на югъ, загибаясь поворотомъ на западъ въ сторону рѣчища Днѣ-

1) „Стовбы“ по недоразумѣнію сближаются иногда мѣстными жителями съ путешествіемъ Императрицы Екатерины II, какъ мѣсто ея отдохновенія. Такое сближеніе совершенно произвольно, такъ какъ Екатерина II путешествовала Днѣпромъ только до пороговъ, а затѣмъ, послѣ переправы флотилія черезъ Ненасытскій порогъ, направилась сухимъ путемъ по направленію къ Херсону.

2) Мышецкій, Исторія о козакахъ заповр. стр. 68.

пра. Этотъ рядъ редутовъ пересѣкается другимъ рядомъ, направляющимся отъ скели Вошивой, нѣсколько выше Острово-хортицкой колоніи, на западъ къ рѣчищу же Днѣпра, противъ островка Вырвы. Третій рядъ редутовъ, расположенный въ сѣверо-восточной части о-ва тянется почти параллельно руслу Днѣпра въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится на половину смытый Днѣпромъ о-въ Дубовый, на которомъ также замѣтны слѣды двухъ редутовъ. Четвертый рядъ редутовъ пересѣкаетъ о-въ нѣсколько ниже колоніи, вблизи „Нижней головы“ о-ва.

Къ группѣ Миниховскихъ укрѣпленій относится окопъ съ тремя редутами, сооруженный на правой сторонѣ Днѣпра, для защиты исчезающей въ настоящее время бухты, въ которой, правдоподобно, стояла російская флотилія, сопровождавшая армію Миниха. Валы окопа этого, насыпанные на десковатомъ грунтѣ, большею частью разсунулись; редуты сохранились лучше, имѣя всѣ признаки редутовъ, находящихся на о-вѣ Хортицѣ ¹⁾. Бухта, находящаяся въ срединѣ окопа, занимаетъ теперь площадь въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженой, шагахъ въ 50 отъ русла Днѣпра; съ рѣкой соединяется углубленіе бухты неглубокой рытвиной, по которой вода изъ Днѣпра заходитъ въ бухту только въ половодье.

Въ составъ Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря входило также укрѣпленіе на островѣ Вырвѣ, къ которому относится слѣдующая записъ Мышецкаго: „а отъ онаго (отмѣченнаго предъ этимъ) ретраншаментъ внизъ рѣки Днѣпра... построена отъ Россіянъ въ 1739 г. малая крѣпость, именуемая „Запорожская Вервь“ ²⁾ Отъ времени Миниха уцѣлѣло, наконецъ, два редута на правой сторонѣ Днѣпра, противъ балки Кичаски, предназначавшихся для закрытія російской флотиліи ³⁾.

Менѣе выразительные слѣды въ описываемой мѣстности сохранились отъ времени Сагайдачнаго. Остатками старины на

¹⁾ Къ отмѣчаемому окопу съ редутами относится слѣдующая замѣтка Мышецкаго: „а по оной рѣкѣ Хортицѣ“ (Верхней или Сухой), разстояніемъ 2 версты построены отъ Россіянъ въ 1738 г. ретраншаментъ съ редутами. (Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 67).

²⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож. стр. 68.

³⁾ Тамъ же, стр. 67.

урочищѣ „Сагайдачне“ являются „печища“, находящіяся въ верхней части урочища: въ безпорядкѣ разбросаны здѣсь неглубокія ямы, повидимому, остатки землянокъ, остатки плохо обожженной глиняной посуды, обломки черепковъ очень грубой работы и кучи золы, поросшія травой. Такіе остатки старины могутъ относиться и не ко времени Сагайдачнаго.

Безспорные слѣды знаменитаго козацкаго гетмана находятся на отмѣченной выше „Средней скелѣ“. Мѣстные жители на вершинѣ этой скалы указываютъ камень, называемый „Лижкомъ Сагайдака“. камень этотъ въ прежнее время находился на самой вершинѣ скалы; лѣтъ же 10 назадъ бражничавшая здѣсь компанія невѣжественныхъ людей изъ сосѣдняго города Александровска свалила этотъ камень съ его мѣста. Теперь онъ лежитъ, перевероченный здѣсь же на скалѣ. „Лижкомъ“ камень этотъ называется потому, что въ немъ выдолблено сидѣнье съ приспособленіемъ для головы и ногъ въ полулежащемъ положеніи. Вполнѣ возможно, что Сагайдачный, безспорно пребывавшій въ данной мѣстности, передалъ свое имя этому камню. Сомнительно только, чтобы „лижко“ это сдѣлано было для Сагайдачнаго; дѣлалось оно, вѣроятно, для болѣе лѣниваго вождя раньше пребывавшихъ здѣсь народностей. Такое предположеніе мы связываемъ съ достовѣрнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ 30 годахъ настоящаго столѣтія на этой же скалѣ можно было видѣть другой не безъ интересныя камень—„мольку“ громадныхъ размѣровъ (трубку) съ чубукомъ и протычкой ¹⁾).

Пребываніе Сагайдачнаго въ этой мѣстности относится ко второму десятилѣтію XVII вѣка. Сообщение Мышецкаго, что послѣ Сагайдачнаго остались укрѣпленія на островѣ Б. Хортицѣ, мало вѣроятно. Замѣтка названнаго автора, что за время Сагайдачнаго Хортица не была островомъ, а была „соединенною степью“, показываетъ, что онъ перепуталъ сообщенныя ему изустно свѣдѣнія о мѣстѣ окопа Сагайдачнаго ²⁾).

Старое укрѣпленіе, находящееся на о-вѣ Большой Хортицѣ, расположено при „Савутыной скелѣ“, одной изъ самыхъ вы-

¹⁾ Драгомановъ, Преданіе малор. народа, стр. 421.

²⁾ Мышецкій, исторія о козакахъ запор. стр. 68.

сокихъ на островѣ. Слѣды этого укрѣпленія въ настоящее время едва замѣтны. Одну его сторону (восточную) составляетъ крутой обрывистый берегъ Днѣпра, другая сторона (сѣверная) защищена глубокимъ оврагомъ и только съ остальныхъ двухъ сторонъ это мѣсто ограждено было валомъ и ровомъ, слѣды которыхъ сохранились лишь съ западной стороны этого древнѣйшаго укрѣпленія на островѣ. По отмѣченному несложному характеру это укрѣпленіе представляетъ самый первоначальный типъ укрѣпленія. Нѣтъ данныхъ для того, чтобы отнести это укрѣпленіе опредѣленно къ тому или другому времени. Есть указаніе, не проверенное нами по первоисточникамъ, что окапывался на о-вѣ Хортицѣ Яковъ Шахъ, одинъ изъ первыхъ гетмановъ низовыхъ козаковъ, предводительствовавшій около 1586 г. Площадь отмѣчаемаго укрѣпленія занимаетъ приблизительно около 500 квадр. сажени.

На соединившемся съ материкомъ о—вѣ Малой Хортицѣ, находятся слѣды единственнаго земляного укрѣпленія—окопа. Окопъ этотъ занимаетъ площадь около двухъ десятинъ; продольные валы окопа тянутся съ востока на западъ на протяженіи сажени 100; длина поперечнаго вала, составляющаго восточную сторону окопа достигаетъ сажени 45; выходъ изъ окопа обращенъ къ отмѣченной выше ложбинѣ, огибающей эту мѣстность съ запада и юга; спускающіеся къ этой ложбинѣ продольные валы окопа заканчиваются квадратными насыпями, сажени около 10 въ каждой сторонѣ валовъ, составляющихъ два квадрата. Валы окопа мѣстами почти сравнялись съ землею; лучше сохранились они близъ угловъ окопа. Высота валовъ достигаетъ 5—6 сажени черезъ верхъ въ окопѣ и до 8 сажени въ квадратныхъ фигурахъ, напоминающихъ редуты.

Трудно сказать, въ этихъ ли остаткахъ земляного укрѣпленія слѣдуетъ искать слѣдовъ „замка“ Димитрія Вишневецкаго. Несомнѣнно только, что валы описаннаго передъ этимъ окопа въ прежнее время были гораздо выше. Дѣло въ томъ что эта мѣстность вслѣдствіе близости къ колоніи Кичкасъ, чуть ли не со времени основанія этой колоніи, служитъ выпасомъ для скота, вслѣдствіе чего супесковатый почвенный слой сильно

разрушенъ на всемъ протяженіи этой мѣстности. При такихъ условіяхъ на о-вѣ Малой Хортицѣ могло уцѣлѣть только сооруженіе изъ камня. Затронутый вопросъ могутъ рѣшить знатоки военно-инженернаго дѣла въ 16 вѣкѣ.

Относительно доисторической старины на о—вѣ Большой Хортицѣ въ настоящее время оказывается возможнымъ отмѣтить только немногія мѣстности, обращающія на себя вниманіе въ этомъ отношеніи. Какъ выдающееся мѣсто находокъ остатковъ доисторической старины, выше отмѣчена „Музычына балка“. Другимъ такимъ мѣстомъ является круглая впадина на срединѣ о—ва, гдѣ, какъ и въ Музычной балкѣ, мѣстные жители находили много стрѣлъ, наконечниковъ, копій, различныхъ металлическихъ пряжекъ и бляшекъ и т. п. Нѣмыми свидѣтелями прошлой исторіи о—ва являются также разбросанные въ сѣверной его части курганы. Объ этой исторіи могутъ рассказать археологи—ислѣдователи послѣ предварительныхъ раскопокъ хортицкихъ кургановъ, по наружному виду не отличающихся отъ обыкновенныхъ степныхъ могилъ.—Въ остаткахъ доисторической старины на о—вѣ Хортицѣ переплелся запутаннымъ узломъ цѣлый рядъ эпохъ съ древнѣйшихъ временъ. Встрѣчающіяся на о—вѣ пещеры могли служить жилищемъ еще первобытнаго человѣка. Для народовъ пастушескаго періода культуры обширный малодоступный о—въ Большая Хортица являлся весьма цѣннымъ для обитанія, какъ привольное и безопасное мѣсто для пастбы скота. Торговля сношенія, возникшія на Днѣпрѣ еще на зарѣ исторіи, также должны оставить слѣды на Б. Хортицѣ, самомъ замѣчательномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ.

Обозрѣвъ остатки старины на хортицкихъ островахъ и прилегающихъ мѣстностяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ данной мѣстности, при чемъ необходимо замѣтить, что такія свидѣтельства касаются почти исключительно о—ва Большой Хортицы.

Какъ извѣстно, русскія лѣтописи упоминаютъ о хортицкомъ островѣ подъ 1103 и 1224 годами. Въ 1103 г. великій князь кіевскій Святополкъ Изяславичъ, предпринявъ походъ противъ

Половецъвъ въ союзѣ съ другими князьями, стоялъ ниже порога между прочимъ и на „Хортичимъ“ островѣ¹⁾. Въ 1224 г. на хортицкомъ островѣ держали совѣтъ русскіе князья передъ первой встрѣчей съ татарами на рѣкѣ Калкѣ²⁾.

Подъ 1574 есть весьма цѣнное свидѣтельство о Хортицѣ въ польской хроникѣ Бѣльскаго, сообщающаго, что на этомъ о—въ „мешкали“ низовые козаки, стекавшіеся сюда изъ Украины для промысловъ и набѣговъ въ татарскія земли. Авторъ хроники, племянникъ одного изъ предводителей низовыхъ козаковъ, Орнишевскаго, имѣвшій возможность слышать обстоятельные рассказы о низовьяхъ Днѣпра, занесъ въ свою хронику мнѣніе, что для польскаго государства было бы очень важно построить замки и осадить поселенія на такихъ днѣпровскихъ островахъ какъ Хортица, Кохання (вѣроятно Таволжинный о—въ, одинъ изъ наибольшихъ и неприступныхъ острововъ, находящійся между порогами Будиломъ и Гадючимъ) и о—въ Томаковка³⁾.

Къ 1594 г. относится свидѣтельство объ о—въ Б. Хортицѣ Эриха Лассоты: „островъ прекрасный, высокій и уютный, въ длину имѣетъ 2 мили и раздѣляетъ Днѣпръ на 2 равныя части. На ряду съ этимъ Лассота сообщаетъ что козаки имѣютъ обыкновение содержать на этомъ о—въ лошадей въ зимнее время⁴⁾).

Въ четвертомъ десятилѣтіи XVII вѣка зналъ о—въ Б. Хортицу авторъ описанія Украины Боулапъ, опредѣляющій величину о—ва и совѣтующій, какъ и Бѣльскій, заложить здѣсь крѣпость.

Такимъ образомъ, ни подробное ознакомленіе съ остатками старины на хортицкихъ о—вахъ, ни справка съ относящимися къ нимъ достовѣрными историческими свидѣтельствами не даютъ никакихъ указаній на существованіе Запорожской Сѣчи ни на одномъ изъ хортицкихъ острововъ. Между тѣмъ невозможно

¹⁾ Лѣтописи по Ипатскому списку, стр. 183.

²⁾ Тамъ же, стр. 495.

³⁾ Kronika Bielskiego, стр. 719.

⁴⁾ Путевыя записки Лассоты, стр. 30.

объяснить какою-либо случайностію отсутствіе не только свѣдѣній, а даже упоминаній о Запорожской Сѣчи на Хортицѣ, въ такихъ классическихъ для исторіи Запорожья источникахъ, какъ отмѣченные выше свидѣтельства Бѣльскаго, Лассоты и Боплана.

Эти источники для разрѣшенія вопроса о существованіи хортицкой Сѣчи являются достаточно компетентными, какъ по своей хронологической близости къ начальному періоду запорожскаго козачества, такъ и по своей безусловной доброкачественности въ предѣлахъ занимающаго насъ вопроса.

Отмѣченные остатки старины на Хортицкихъ о—вахъ, въ ряду которыхъ нѣтъ даже намековъ на существованіе здѣсь Запорожской Сѣчи, а равно и приведенныя свидѣтельства современниковъ первоначальной поры запорожскаго козачества даютъ достаточное основаніе заключать, что Хортицкой Сѣчи не существовало. Бѣльскій и Бопланъ совѣтуютъ только на будущее время построить укрѣпленіе на Хортицѣ, при чемъ не ссылаются на существованіе здѣсь прочнаго козацкаго укрѣпленія въ прежнее время, что они не преминули бы сдѣлать для большей убѣдительности своихъ предложеній, если бы существовала на Хортицѣ запорожская Сѣчь. Если въ „Дневныхъ запискахъ“ Лассоты отмѣчено, что козаки имѣютъ обыкновение содержать лошадей на Б. Хортицѣ въ зимнее время, а равно отмѣчено кратковременное существованіе укрѣпленія Дмитрія Вишневецкаго на М. Хортицѣ, то ни въ какомъ случаѣ о Запорожской Сѣчи не умолчалъ бы авторъ этихъ обстоятельныхъ записокъ, въ которыхъ отмѣчены слѣды и большихъ и незначительныхъ приднѣпровскихъ поселеній довольно отдаленной поры¹⁾.

Приведенными источниками, относящимися къ концу 16 и къ первой половинѣ 17 вѣка, мы ограничиваемъ историческія свидѣтельства на томъ основаніи, что въ предѣлахъ этого времени только и можетъ обсуждаться вопросъ о существованіи хортицкой Сѣчи. Къ концу первой половины 17 вѣка центральный пунктъ запорожцевъ, какъ извѣстно, подвинулся къ Ники-

¹⁾ Киевская Стар. 1893, № 5, стр. 261—262.

тину Рогу, лежащему въ предѣлахъ Великаго луга, значительно ниже Хортицкихъ острововъ; въ послѣдующее время центръ запорожскаго козачества, постепенно расширявшаго свои владѣнія, подвигался еще дальше на югъ до мѣста послѣдняго Коша запорожскаго на рѣкѣ Подпольной (т. е. текущей подъ полемъ).

Какую же роль игралъ о—въ Большая Хортица съ прилегающими мѣстностями въ исторіи запорожскаго козачества?

На этотъ вопросъ въ значительной степени отвѣчаютъ отмѣченные выше остатки старины въ данной мѣстности и приведенныя историческія свидѣтельства. Названные источники указываютъ, что эта мѣстность является центральной въ исторіи запорожскаго козачества въ промежутокъ времени отъ Дмитрія Вишневецкаго до Конашевича-Сагайдачнаго включительно. Въ предыдущую пору значеніе центральныхъ пунктовъ для Запорожцевъ имѣли Черкасы и Каневъ ¹⁾; въ послѣдующее время отъ Сагайдачнаго до Богдана Хмельницкаго, особенно за послѣднее 10 лѣтіе, Запорожье находилось въ упадкѣ, такъ что въ этотъ періодъ его существованія не можетъ быть указано опредѣленнаго центра для низовыхъ козаковъ ²⁾.

Придерживаясь точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ можно утверждать, что о—въ Большая Хортица и прилегающія мѣстности во второй половинѣ 16-го и въ первой четверти 17 вѣка были прочно заняты низовыми запорожскими козаками. Бѣльскій говоритъ только, что въ 70-хъ годахъ 16-го вѣка о—въ Хортица былъ занятъ низовцами такъ же, какъ и другіе большіе и неприступные дѣпровскіе о—ва; Лассота, путешествовавшій на Запорожье во время большого козацкаго похода во владѣнія крымскаго хана и заставшій козацкій лагерь на Бузувлукскомъ о—вѣ въ предѣлахъ Великаго луга, не распространялся о пребываніи Запорожцевъ въ занимающей мѣстности, но въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ это пребываніе въ такомъ же смыслѣ, какъ и Бѣльскій. О характерѣ пребыванія Запорожцевъ въ данной мѣстности при Конашевичѣ Са-

¹⁾ Кіевская Стар. 1884 г. № 8, стр. 601.

²⁾ Антоновичъ, Исторія малор. козачества, Литогр. зап., стр. 64.

гайдачномъ мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ; но судя по остаткамъ старины, не имѣемъ основанія сказать о Хортицкой мѣстности больше, чѣмъ о стоянкахъ здѣсь козацкаго войска ¹⁾).

Бопланъ, говоря о козацкомъ возстаніи подъ предводительствомъ Павлюка и Томиленка, упоминаетъ неоднократно о козацкихъ стоянкахъ въ сѣверной части запорожскихъ владѣній, выше пороговъ; о характерѣ пребыванія запорожцевъ на о—вѣ Хортицѣ съ прилегающими мѣстностями нѣтъ свѣдѣній въ „Описаніи Украйны“. Умалчиваніе Боплана о хорошо извѣстной ему Хортицкой мѣстности нельзя ничѣмъ объяснять, какъ только тѣмъ, что характеръ пребыванія запорожцевъ въ этой мѣстности ничѣмъ особеннымъ не отличался въ чертѣ мѣстностей, занятыхъ запорожскимъ козацествомъ. Великій дугъ съ озеромъ Скарбнемъ, получившимъ названіе отъ войсковой „скарбницы“, имѣвшіе въ эту пору выдающееся значеніе для низовыхъ козаковъ, нашли же мѣсто въ описаніи Боплана, хотя они ему были гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ о—въ Б. Хортица съ прилегающими мѣстностями.

Такимъ образомъ всѣ изложенныя выше данныя позволяютъ говорить только о сборныхъ пунктахъ Запорожцевъ на Хортицкихъ о—вахъ съ прилегающими мѣстностями, а не Хортицкой Запорожской Сѣчи.

Прослѣдивъ въ предыдущемъ изложеніи данныя, относящіяся къ вопросу о существованіи Хортицкой Сѣчи, мы пришли къ заключенію, что такой Сѣчи не существовало. Обслѣдованіе

¹⁾ Огромный ростъ запорожскаго козачества при Сагайдачномъ заставляетъ предполагать, что козацкимъ войскомъ въ эту пору занято было не только урочище „Сагайдашне“, а могли быть заняты и другія мѣста. Отсутствие въ настоящее время мѣстныхъ преданій по этому поводу не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ современное населеніе ближайшихъ къ Хортицѣ мѣстностей, какъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, такъ и въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, является чуждымъ для запорожскихъ преданій, относящихся къ тому же къ довольно отдаленному времени. Названіе урочища „Сагайдашне“, быть можетъ, потому и сохранилось, что урочище это находится на лѣвой сторонѣ Днѣпра, занятой традиціонно-мѣстнымъ населеніемъ; правая сторона Днѣпра въ этой мѣстности на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, какъ по теченію рѣки, такъ и въ глубину степи, занята нѣмцами—колонистами.

вопроса о существованіи Запорожской Сѣчи на островѣ Томаковѣ привело насъ къ выводу, что не было и Томаковской Сѣчи. 1)

Теперь на очереди выясненіе вопроса о существованіи запорожскихъ Сѣчей на островѣ Базавлукѣ при чертомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, и на Микитиномъ рогѣ въ чертѣ нынѣшняго м. Никополя екатеринославской губерніи.

По первому вопросу достовѣрный матеріалъ даетъ неоднократно уже цитированный нами дневникъ Лассоты, въ которомъ находимъ цѣнныя, хотя и не исчерпывающія вопроса, свѣдѣнія объ организаціи и бытѣ запорожцевъ въ концѣ 16 вѣка. Въ Запорожскомъ войскѣ были тогда части, состоящія подъ начальствомъ полковниковъ 2); каждая изъ такихъ частей подраздѣлялась на сотни съ сотниками во главѣ 3). Изъ войсковыхъ должностей отмѣчена у Лассоты должность эсауловъ, которые въ одномъ случаѣ передавали козакамъ на радѣ соображенія Лассоты относительно похода въ Молдавію, а въ другомъ случаѣ созывали козаковъ на раду 4). Предводительствовалъ войскомъ гетманъ 5)

Нѣсколько неяснымъ является свидѣтельство Лассоты относительно обыкновенія запорожцевъ при обсужденіи важныхъ вопросовъ составлять одновременно два „коло“, т. е. два собранія, или двѣ рады; „коло“ начальниковъ и „коло“ черни, при чемъ по одному и тому же вопросу могли состояться различныя рѣшенія, какъ это и было при Лассотѣ 6). Одобрительное рѣшеніе вопроса на общей козацкой радѣ сопровождалось бросаніемъ шапокъ 7). Въ запорожскомъ войскѣ въ пору пребыванія Лассоты на Базавлукѣ находилось около 3, 000 козаковъ. Но это былъ не полный составъ Запорожскаго войска, которое по даннымъ грамоты запорожцевъ къ австрійскому императору могло достигнуть численности въ 6, 000 человекъ старыхъ

1) Киевская Старин. 1893, № 5.

2) Путевныя Записки Эр. Лассоты, въ прилож. стр. 92.

3) Тамъ-же, стр. 93.

4) Путевныя Зап. Лассоты, стр. 36, 38.

5) Тамъ-же, стр. 30.

6) Тамъ-же, стр. 33.

7) Тамъ-же, стр. 32.

козаковъ, не считая пограничныхъ хлѣборобовъ ¹⁾). Запорожское войско на время походовъ пополнялось козаками, жившими въ городахъ и селахъ на Украинѣ ²⁾). Относительно боевой способности Запорожскаго войска цѣнно замѣчаніе Лассоты, что запорожцевъ, въ качествѣ наемнаго войска, не нужно было снабжать ни аммуниціей, ни оружіемъ, ни оружейниками при орудіяхъ, въ виду того, что всѣмъ этимъ запорожское войско было достаточно обезпечено ³⁾). Въ составѣ запорожскаго войска Лассота отмѣчаетъ вскользь группу охотниковъ, которые наравнѣ съ хозяевами челновъ, являлись элементомъ, выдававшимся среди запорожцевъ по своему значенію ⁴⁾). Имущество запорожцевъ, кромѣ вооруженія и челновъ, на которыхъ они предпринимали рѣчные и морскіе походы, заключалось въ лошадяхъ, необходимыхъ для походовъ сухопутныхъ. Во время посѣщенія Лассотою запорожцевъ, лошадей у нихъ было недостаточно вслѣдствіе того, что въ теченіе предшествующей зимы татары предприняли на Запорожье 7 набѣговъ, похитивъ при этомъ болѣе 2 т. лошадей ⁵⁾).—Въ политическомъ отношеніи Запорожское войско въ данное время является независимымъ. Воюя съ турками и татарами, Запорожское войско находилось теперь въ разрывѣ и съ короннымъ канцлеромъ, т. е. съ правительствомъ Речи Посполитой, такъ же, какъ и съ кievскимъ воеводою. Московскій великій князь, хотя и считалъ запорожцевъ своими слугами, но сносился съ ними черезъ пословъ, какъ съ независимымъ войскомъ, имѣвшимъ право заключать союзы и предпринимать походы по своему усмотрѣнію ⁶⁾). „Свободное“ Запорожское войско, какъ оно называетъ себя въ полномочіи своимъ посламъ къ императору Рудольфу, по даннымъ дневника Лассоты, находилось въ это время въ довольно тѣсныхъ отношеніяхъ съ Польскою Речью Посполитою. Такъ, изъ дневника

¹⁾ Тамъ-же, стр. 49.

²⁾ Тамъ-же, стр. 39.

³⁾ Тамъ-же стр. 44.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 36.

⁵⁾ Тамъ же стр. 33.

⁶⁾ Тамъ же стр. 44.

видно, что запорожцы могли успешно предпринять походъ въ Молдавію только въ томъ случаѣ, если этому походу не будетъ противодействовать польское правительство. Вступить въ Украину запорожцамъ было необходимо, съ одной стороны для того, что бы раздобыть лошадей у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а также „у пріятеля“ своего, воеводы брацлавскаго, съ другой стороны—для пополненія войска козаками, „причислявшими себя къ запорожцамъ“¹⁾. Потому то представители Запорожскаго войска и настаивали при переговорахъ съ Лассотой, чтобы императоръ Рудольфъ испросилъ разрѣшеніе у короля и сейма каждому „рыцарю“ свободно выступать въ походъ противъ татаръ и проходить черезъ владѣнія Речи Посполитой²⁾. Не только во время походовъ, но и въ мирное время запорожцы являлись на Украинѣ. Лассота отмѣчаетъ, что Хлопицкій, запорожскій полковникъ, отправлялся къ императору Рудольфу изъ Кіева, здѣсь же предварительно обсудивъ это предпріятіе съ низовыми козаками³⁾.

Существенно важною для характеристики козацкаго быта той поры является одна подробность дневника Лассоты, это его сообщеніе о переговорахъ козака Северина Наливайка съ запорожцами въ іюль 1594 г. Поводомъ для этихъ переговоровъ послужило участіе Наливайка въ походѣ кіевского воеводы противъ козаковъ подъ предводительствомъ Косинскаго. Наливайко, служившій въ милиціи кіевского воеводы князя Острожскаго, черезъ двухъ посланцевъ просилъ прощенія у Запорожцевъ за этотъ свой поступокъ, оправдываясь тѣмъ, что еще до войны козаковъ съ кіевскимъ воеводою онъ состоялъ у послѣдняго на службѣ, а затѣмъ собственная его честь не дозволила ему оставить своего господина. Теперь Наливайко просилъ у запорожцевъ позволенія явиться къ нимъ, чтобы, положивъ свою саблю, доказать на радѣ неосновательность взводимыхъ на него обвиненій, при чемъ если его признаютъ виновнымъ, то онъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 39.

²⁾ Тамъ же стр. 42.

³⁾ Тамъ же, стр. 39.

самъ предложить отрубить себѣ голову своею собственною саблею ¹⁾).

Въ какомъ смыслѣ приведенныя выше данныя освѣщаютъ быть запорожцевъ, будетъ прослѣжено нѣсколько ниже, послѣ предварительныхъ справокъ по дневнику же Лассоты о мѣстѣ пребыванія Запорожскаго войска. Изъ названнаго источника мы узнаемъ, что Запорожское войско стояло на о—вѣ Базавлукѣ лагеремъ; жилищемъ для козаковъ служили шалаши, сдѣланные изъ хворосту и покрытыя для защиты отъ дождя лошадиными кожами. Такое же помѣщеніе, называемое кошемъ, предоставлено было и Лассотѣ съ его спутниками. ²⁾ Сообщенныя здѣсь подробности даютъ основаніе для заключенія, что на островѣ Базавлукѣ во время пребыванія Лассоты у запорожцевъ находилась обыкновенная стоянка Запорожскаго войска, которую никакъ нельзя отождествлять съ Запорожскою Сѣчю. Мѣсто пребыванія Запорожцевъ Лассота въ дневникѣ вездѣ называетъ *лагеремъ* и ни въ одномъ случаѣ не прибавляетъ опредѣленія „укрѣпленный или окруженный валомъ.“ Отмѣчая въ своемъ дневникѣ не только всѣ укрѣпленія, встрѣчавшіяся ему на пути, но даже валы и насыпи, Лассота очевидно не преминулъ бы описать и укрѣпленіе Запорожцевъ, если бы оно существовало. Коши, носившіе всѣ признаки временныхъ жилищъ, точно также характеризуютъ лагерь на о—вѣ Базавлукѣ, какъ случайную стоянку здѣсь Запорожскаго войска ³⁾.

¹⁾ Путевыя записки Лассоты стр. 50.

²⁾ Путевыя записки Лассоты, стр. 31.

³⁾ Брунъ въ примѣчаніяхъ къ дневнику Лассоты допускаетъ, что этотъ иностранецъ Запорожскую Сѣчь называетъ лагеремъ вслѣдствіе того, что „такъ называли столицу запорожцевъ его нѣмецкіе и польскіе спутники.“ Взавъ, однако, во вниманіе, что Лассота, описывая пребываніе свое на Базавлукѣ, употребляетъ такіа слова, какъ „kocz“ „szepna“ „jasauli“ и вообще имѣлъ обыкновеніе приводить въ своемъ дневникѣ туземныя названія неизвѣстныхъ ему предметовъ, то догадка Бруна въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать неосновательною. Упомянувъ въ дневникѣ о такихъ бытовыхъ предметахъ, какъ кобеняки (kerenikh), любознательный путешественникъ, ожидавшій въ теченіи девяти дней возвращенія изъ похода гетмана Миошинскаго и оставшійся на Базавлукѣ безъ всякаго дѣла, не могъ бы умолчать о Запорожскою Сѣчи, если бы она существовала.

Обращаясь къ подробностямъ войсковаго устройства запорожцевъ, также видимъ черты, существенно отличающія бытъ запорожцевъ, въ эту пору отъ быта позднѣйшаго Низоваго запорожскаго войска, имѣвшаго свой центръ сперва въ Старой Сѣчи надъ Чертомлыкомъ, а затѣмъ въ Новой Сѣчи на Подпольной.

Не входя въ разсмотрѣніе неясной замѣтки Лассоты о рѣшеніи важнаго вопроса о походѣ одновременно въ двухъ „колахъ“ и о возможности жестокой расправы черни съ тѣми изъ начальниковъ, которые не раздѣляютъ желаній войска, мы не можемъ не обратить вниманія прежде всего на то обстоятельство, что основной единицей въ запорожскомъ войскѣ въ данное время мы видимъ не курень, съ куреннымъ атаманомъ во главѣ, а часть войска, состоящую подъ начальствомъ полковника. Если возможно, допуская натяжку, видѣть въ двухъ „колахъ“ аналогію съ позднѣйшимъ совѣтомъ старшинъ и общей войсковою радой, если возможно запорожскихъ полковниковъ съ такой же натяжкой приравнивать къ полковникамъ, существовавшимъ въ позднѣйшее время на Запорожьѣ въ паланкахъ, то невозможно въ позднѣйшемъ устройствѣ Запорожской общины найти что либо, соответствующее отмѣченному у Лассоты „*хозяевамъ челновъ*“, мнѣніе которыхъ имѣло важное значеніе при рѣшеніи вопроса о предлагаемомъ Лассотой походѣ въ Молдавію.—Эта характерная частность быта запорожцевъ даетъ основаніе заключать, что запорожцы въ концѣ 16 вѣка не имѣли еще законченной организаціи.

Такой же смыслъ имѣютъ и другія бытовыя черты, отмѣченныя по дневнику Лассоты. Такъ, кромѣ хозяевъ челновъ, вліятельную группу среди запорожцевъ представляли собою охотники. Эта замѣтка Лассоты имѣетъ существенное значеніе для характеристики запорожскаго быта въ концѣ 16 вѣка. Охотники, какъ извѣстно, всегда существовали на Запорожьѣ. Такъ называемые „лисичники“ популярны еще и въ 18 вѣкѣ, когда они представляли собою заурядную группу въ составѣ сѣчевого товарищества. Иное значеніе на Запорожьѣ имѣли охотники въ концѣ 16 вѣка. По свидѣтельству имѣвшаго обстоятельныя свѣдѣнія

о низовьяхъ Днѣпра хроникера Бѣльскаго, на Запорожьи въ 70-хъ годахъ 16 вѣка оставались козаки для промысловъ и набѣговъ только съ весны до осени, на зиму же возвращались въ украинные города и поселенія, оставляя за порогами лишь сторожу при орудіяхъ¹⁾. Въ главныхъ основаніяхъ такой же бытъ запорожцевъ продолжался, какъ увидимъ виже, и въ концѣ 16 вѣка. Здѣсь же отмѣтимъ, что упоминаемые въ дневникѣ Лассоты козаки—охотники, по существу положенія дѣль на Запорожьи, въ ту пору должны были составлять одну изъ наиболѣе авторитетныхъ группъ въ средѣ Запорожцевъ. Охотничій промыселъ производился главнымъ образомъ зимою, а потому охотники—это козаки, зимовавшіе на Запорожьи, своего рода туземцы въ запорожскихъ вольностяхъ. Перенесеніе всевозможныхъ опасностей въ пустынномъ краѣ въ сосѣдствѣ съ татарами, предпринимаемыми, какъ отмѣчено выше, по 7 набѣговъ въ теченіе одной зимы, и выработываемыя такимъ положеніямъ ихъ закаленность и знаніе мѣстности,—все это должно было выдѣлять козаковъ—охотниковъ въ рядахъ остальныхъ запорожцевъ и придавать особую важность ихъ мнѣніямъ при обсужденіи вопросовъ о походахъ.

Приведенныя выше подробности о связяхъ запорожцевъ съ Украиной въ свою очередь служатъ признакомъ того, что низовое Запорожское козачество въ концѣ 16 в. не представляло еще самостоятельной организаціи, отдѣльной отъ городского Запорожскаго козачества. Въ самомъ дѣлѣ, если во время похода противъ татаръ въ низовомъ запорожскомъ войскѣ было около 3.000 человѣкъ, а другіе 3.000 могли примкнуть къ нимъ только послѣ объявленія на Украинѣ о молдавскомъ походѣ, то нѣтъ основанія въ Запорожцахъ, бывшихъ въ Базавлуескомъ лагерѣ, видѣть отдѣльное и самостоятельное „Низовое Запорожское войско“.

Здѣсь необходимо точно опредѣлить употребляемые нами термины „городовое“ и „низовое“ запорожское козачество. Городовое запорожское козачество—это легальные, реестровые,

1) Kronika Bielskiego, стр. 717.

(т. е. внесенные въ реестры) козаки, получившіе права свободнаго сословія при Баторіи послѣ неоднократныхъ мятежей на Украинѣ, поднимаемыхъ козаками большею частью противъ королевскихъ старостъ, пытавшихся подчинить козаковъ своей юрисдикціи. Выдѣленные Баторіемъ 6000 семействъ козаковъ на правахъ свободнаго военнаго сословія получили оффиціальное названіе „Запорожскаго войска“ въ виду того, что на нихъ возложена была обязанность содержать стражу за Днѣпровскими порогами для пресѣченія частыхъ въ то время татарскихъ набѣговъ въ предѣлы Польскаго государства ¹⁾).—Козаковъ, не вошедшихъ въ реестры и поставленныхъ Баторіевою реформою въ положеніе посполитыхъ, польскіе хроникеры обычно называютъ свавольными козаками. Эти козаки, всегда принимавшіе участіе въ мятежахъ и возстаніяхъ на Украинѣ, регулярно уходили на низовья Днѣпра для промысловъ и добычи, почему назывались также „низовцами“. Это—нелегальное низовое Запорожское козачество.

Независимость низоваго Запорожскаго козачества отъ польской Речи Посполитой при такомъ положеніи вещей имѣла въ значительной степени условный характеръ. Независимымъ отъ Польши Запорожское козачество могло быть только въ пустынномъ краѣ за порогами; возвращаясь же на Украину, непризнанные низовые козаки положеніемъ вещей ставились въ необходимость или подчиняться насильственному режиму польскаго правительства, или открыто возставать противъ соціально-экономическаго строя въ государствѣ. Послѣдующія козацкія возстанія и вызваны были, главнымъ образомъ, такимъ положеніемъ низовыхъ козаковъ; въ этомъ же ихъ положеніи нашли точку опоры всѣ козацкія возстанія безъ исключенія.

Для выясненія положенія низовыхъ козаковъ въ польской Речи Посполитой въ концѣ 16 вѣка, достаточно отмѣтить существенныя черты ближайшаго козацкаго возстанія подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, разразившагося черезъ годъ послѣ посѣщенія запорожцевъ Лассотою. Возстанію этому дало поводъ

¹⁾ Киевская Старина 1884 г., № 9, стр. 45—49.

запрещеніе польскаго правительства выступать козакамъ въ походъ въ Молдавію наперерѣвъ отпавившейся туда татарской ордѣ, чтобы избѣжать войны съ Турціей. Козаки тѣмъ не менѣе предприняли этотъ походъ. Послѣ похода Лобода, предводительствовавшій низовыми и реестровыми козаками, возвратился на Украйну, не распустивъ однако здѣсь козацкаго войска, а Наливайко, предводительствовавшій отрядомъ, состоявшимъ изъ крестьянъ, бѣглыхъ слугъ и вообще всякой вольницы, возвратившись изъ Молдавіи въ Брацлавщину, поднялъ возстаніе, такъ какъ находившихся при немъ участниковъ молдавскаго похода ожидало наказаніе, а затѣмъ подневольное положеніе подъ присудомъ старостъ и державцевъ¹⁾.

Всѣ отмѣченныя черты быта низовыхъ козаковъ въ концѣ 16 вѣка указываютъ, что на Запорожьѣ въ эту пору не существовало отдѣльное отъ остальнаго козачества и самостоятельное „Низовое войско Запорожское“, какимъ видимъ мы его впоследствии. Въ данное время низовое козачество, правдоподобно, проходило среднюю стадію развитія между моментомъ окончательнаго устройства самостоятельнаго Низоваго войска Запорожскаго, и моментомъ того примитивнаго войскового устройства, какое находимъ у Бѣльскаго въ описаніи козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ гетмана Свирчовскаго²⁾.

Запорожскій лагерь на о-вѣ Базавлукѣ нѣкоторые изслѣдователи Запорожья, какъ на примѣръ Брунъ, а вслѣдъ за нимъ и Эварницкій, неосновательно называютъ Запорожской Сѣчью.

Всѣ подробности обстоятельнаго дневника Лассоты, какъ изложено выше, указываютъ на то, что на островѣ Базавлукѣ находилась обыкновенная стоянка запорожцевъ во время похода противъ татаръ, безъ всякихъ признаковъ какой-либо осѣлости въ этомъ пунктѣ³⁾.

¹⁾ Антоновичъ, литограф. лекціи 1882 г. стр. 36—38.

²⁾ Участники этого похода состояли подъ начальствомъ 7 предводителей, изъ которыхъ Свирчовскій съ Бастаномъ были главными; въ этомъ же походѣ (1574 г.) принимало участіе 200 брацлавчанъ, предводитель которыхъ не названъ. (Кіевская Стар. 1884 г.. № 8, стр. 604).

³⁾ Г. Эварницкій въ своемъ трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“ представляетъ планъ Базавлукской Сѣчи, но странно, что изобра-

Перейдемъ къ разсмотрѣнію данныхъ, относящихся къ вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ. Въ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи Запорожскаго козачества, Микитинская сѣчь признается установленнымъ историческимъ фактомъ. Костомаровъ, говоря о бѣгствѣ Б. Хмельницкаго на Запорожье въ концѣ 1647 г., пишетъ: „Запорожская сичъ не имѣла еще постояннаго мѣстопробыванія, а, какъ военный станъ, переходила съ одного днѣпровскаго острова на другой. Въ то время она находилась на Микитиномъ Рогѣ“¹⁾. Антоновичъ также признаетъ существованіе сѣчи на Запорожьѣ передъ бѣгствомъ сюда Б. Хмельницкаго, хотя собственно Микитина Рога и не называетъ мѣстомъ Запорожской сѣчи²⁾. Нельзя не замѣтить, однако, что какъ названные, такъ и всѣ другіе изслѣдователи свое мнѣніе о существованіи сѣчи на Микитиномъ Рогѣ основывали на данныхъ, заключающихся въ малорусскихъ лѣтописяхъ и составленныхъ по этимъ лѣтописямъ компиляціяхъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, не только историческія компиляціи, но и наиболѣе достовѣрныя наши лѣтописи, каковы лѣтописи Львовская и Самовидца, не чужды ошибокъ и хронологическихъ неточностей, какъ показываютъ комментаріи къ изданнымъ лѣтописямъ³⁾.

Такую ошибку лѣтописцевъ мы допускаемъ и въ приурочиваніи Запорожской сѣчи къ Микитину Рогу. Допускать эту

женная въ этомъ планѣ мѣстность не представляетъ даже острова, такъ какъ съ восточной стороны примыкаетъ къ полямъ с. Грушевки (стр. 260). Никакихъ источниковъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ дневника Лассоты, г. Эварницкій не указываетъ, говоря о существованіи Базавлукской Сѣчи. Изъ всего дневника Лассоты единственнымъ основаніемъ для такого мнѣнія могло служить лишь слово „сѣчь“, ошибочно употребляемое Бруномъ въ его примѣчаніяхъ къ русскому переводу этого дневника (Эварницкій, Запорожье..., т. I, стр. 257—262, Путевыя зап. Лассоты, стр. 77). Признаками сѣчи въ этомъ мѣстѣ г. Эварницкій считаетъ слѣды имъ „числомъ 21, расположенныхъ совершенно правильно въ одну линію, одна возлѣ другой у восточной окраины острова“ (стр. 258). Представленные въ такомъ видѣ доводы для доказательства существованія Базавлукской Сѣчи, очевидно, этого не доказываютъ.

¹⁾ Костомаровъ Б. Хмельн., т. I, стр. 251.

²⁾ Антоновичъ, лекціи 1882 г., стр. 82.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, предисл., стр. 74—76.

ошибку позволяют намъ слѣдующія соображенія. Лѣтописи наши составлялись значительно позже занимающаго насъ времени, вслѣдствіе чего существованіе сѣчи, возникшей въ позднѣйшее время, могло быть приурочено ко времени болѣе раннему. Такое приурочиваніе тѣмъ возможно, что послѣ 1647 г. послѣдовала продолжительный періодъ бурныхъ событій на Украинѣ, при дѣятельномъ участіи въ нихъ низовыхъ козаковъ. Составители козацкихъ хроникъ, появляющихся не ранѣе конца 17 столѣтія, даже неумышленно могли перенести въ болѣе раннюю пору такое выдающееся явленіе, какимъ была въ ихъ время Старая Запорожская сѣчь. Тѣмъ болѣе могли это сдѣлать переписчики и компиляторы лѣтописей, которые по своему усмотрѣнію не только пополняли однѣ лѣтописи не всегда вѣрными свѣдѣніями изъ другихъ, но и вставляли въ повѣствованіе иногда завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія. Таковы, на примѣръ, фальсифицированный универсалъ Б. Хмельницкаго, въ которомъ приводится якобы грамота Баторія, утверждающая земельныя владѣнія Низоваго Запорожскаго войска ¹⁾.

Характернымъ для занимающаго насъ вопроса является то обстоятельство, что въ лѣтописныхъ замѣткахъ относительно Запорожской Сѣчи мы видимъ непоследовательность и несогласованность свѣдѣній даже одной и той же лѣтописи. Такъ, въ наиболѣе достовѣрной для даннаго времени лѣтописи Самовидца сперва читаемъ, что Хмельницкій отправился *за пороги*, но на Запорожьѣ не могъ оставаться „за для залоги, которая на тотъ часъ съ полковниками лядскими посполу з жолнѣрами zostавала“, и ушелъ „на Низъ, ку мору, на поля, къ лиману“, гдѣ къ нему собирались козаки, уходящіе отъ польскихъ полковниковъ ²⁾. Такъ пишетъ Самовидецъ вначалѣ своего повѣствованія о возстаніи Хмельницкаго. Этому свидѣтельству вовсе не соотвѣтствуетъ дальнѣйшій текстъ этой же лѣтописи, именно то мѣсто, гдѣ говорится, что реестровымъ козакамъ, поплывшимъ

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Собраніе историческое, стр. 350. Здѣсь упоминается городъ Чигиринъ, основанный по смерти Баторія, что несомнѣнно указываетъ на фальсификацію названнаго документа.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 6—7.

по Днѣпру противъ Хмельницкаго, было приказано отправиться на Запорожье „до Сѣчи“ знести (въ одномъ изъ списковъ лѣтописи *зловити*) Хмельницкаго, *албо осадити его зъ войскомъ* ¹⁾. Если признать достовѣрнымъ первоначальное свидѣтельство лѣтописи о первыхъ шагахъ Хмельницкаго за порогами, то въ послѣдующемъ изложеніи слово „до Сѣчи“ послѣ слова на Запорожье и слова „албо осадить его з войскомъ“ послѣ „зловити“,—оба эти поясненія въ послѣдующемъ изложеніи слѣдуетъ признать позднѣйшими вставками переписчиковъ.

Не менѣе важнымъ для разъясненія занимающаго насъ вопроса о существованіи Запорожской Сѣчи является текстъ параллельныхъ мѣстъ въ „Собраніи Историческомъ“ Лукомскаго. Въ данномъ случаѣ важно то, что Лукомскій не составлялъ этого труда, а компилировалъ хронику Гвагнина ²⁾ и „русскія старыя вѣрныя лѣтописи“, при чемъ авторъ сопровождаетъ свой трудъ постоянными ссылками на источникъ. Изъ лѣтописнаго труда этого автора мы узнаемъ, что Б. Хмельницкій передъ возстаніемъ ушелъ на днѣпровскіе острова, прежде всего на островъ Бучки (Томаковку), а потомъ прибылъ на Микитинъ Рогъ, гдѣ засталъ 300 запорожскихъ козаковъ ³⁾. „На Запорожьѣ, *въ Сѣчи* — говорится далѣе въ „Собраніи“ Лукомскаго—*Хмельницкій ни самъ быть, ни войска собирать не могъ*, потому что тамъ залога людская и нѣмецкая съ своими начальниками межъ запорожцами состояла“... ⁴⁾. Первая наша выписка изъ Лукомскаго вполне согласна съ первой выдержкой изъ лѣтописи Самовидца, не представляя, однако, заимствованія, а существенно пополняя лѣтописный рассказъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ упоминаніе объ о—вѣ Бучки (Томаковка) и, что особенно важно для выясненія занимающаго насъ вопроса, встрѣчаемъ упоминаніе о Микитиномъ Рогѣ, какъ обыкновен-

¹⁾ Лѣт. Самов., стр. 8.

²⁾ Хроника Гвагнина во второй своей половинѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ для исторіи запорожскаго козачества, какъ можно видѣть изъ сопоставленія этой части хроники съ хроникой Бѣльскаго, девизъ которой: „*противъ правды нтъ разума*“.

³⁾ Лѣтопись Самоила Величка, т. 4, стр. 309.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 310.

номъ урочищѣ. Вторая приведенная нами выписка изъ „Собранія Историческаго“, если не допустить здѣсь погрѣшности компилятора или переписчика, находится въ противорѣчии со всѣми какъ лѣтописными, такъ и вообще историческими данными о Запорожьи въ концѣ первой половины 17 вѣка. Здѣсь говорится, что Б. Хмельницкій, бѣжавъ за пороги, въ первое время не появлялся въ Сѣчи, такъ какъ будто бы въ ней находился польскій отрядъ, при чемъ Сѣчь, по смыслу приведенныхъ выдержекъ, находилась гдѣ-то внѣ о—ва Томаковки и Микитина Рога. Это сбивчивое и непонятное мѣсто въ „Собраніи Историческомъ“ станетъ совершенно яснымъ, если допустить произвольную вставку одного слова „въ Сѣчи“ (во второй выдержкѣ, послѣ слова на Запорожьи).

Допускать ошибку нашихъ лѣтописей въ приурочиваніи Сѣчи къ Микитиному Рогу въ концѣ 40-хъ годовъ 17 столѣтія дають основаніе документальныя данныя о Запорожьи, относящіяся къ этому времени. Такъ, въ цѣломъ рядѣ документовъ, касающихся пребыванія Б. Хмельницкаго на Запорожьи, говорится о бѣгствѣ его на *низовья Днѣпра* ¹⁾, о предложеніи ему *выйти изъ Запорожья* ²⁾, о пребываніи его на *о—въ Бучкѣ* ³⁾, о невозможности найти его въ *днѣпровскихъ протокахъ* ⁴⁾, говорится, что Б. Хмельницкій *принужденъ былъ спастись жизнь свою въ днѣпровскихъ пещерахъ* ⁵⁾, что сторонники его собрались на Запорожьи въ *тѣснинахъ днѣпровскихъ* ⁶⁾ и вовсе не упоминается о Запорожской Сѣчи. Всѣ указанные источники представляютъ собою извѣстія современниковъ. Въ такихъ извѣстіяхъ не было бы умолчанія о Запорожской Сѣчи, если бы она существовала ⁷⁾.

¹⁾ Памятники, изд. временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. I, отд. 3, стр. 5.

²⁾ Тамъ-же, стр. 10.

³⁾ Тамъ-же, стр. 18.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 32.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 323.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 50.

⁷⁾ Попытаемся привести къ единству всѣ отмѣченныя выше разрозненныя и въ отдѣльныхъ случаяхъ несогласныя данныя о пребываніи Б. Хмельницкаго на Запорожьи въ концѣ 1647 и въ началѣ 1648 г. Послѣдовательное передвиженіе

Приведенныя предъ этимъ нѣсколько отрывочныя свидѣтельства современниковъ подтверждаются документальными данными о развитіи Запорожскаго козачества прежде всего въ первой четверти 17 вѣка.

Цѣннымъ источникомъ для исторіи Запорожья въ эту пору являются „Pisma“ Станислава Жолкевскаго, который въ 1596 г. рѣшилъ исходъ козацкаго возстанія подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, а затѣмъ имѣлъ близкое отношеніе къ козакамъ по должности короннаго гетмана въ 1620 г. Въ этомъ сборникѣ „Писемъ“ заключается оффиціальная переписка Жолкевскаго съ королемъ, инструкціи комиссарамъ, переговаривавшимся съ козаками, его отчеты сейму и т. д. Здѣсь находимъ цѣлый рядъ достовѣрныхъ свѣдѣній о современныхъ событіяхъ на Запорожьѣ. Таковы свѣдѣнія о двухъ морскихъ походахъ козаковъ и о погромѣ турецкой флотиліи у Очакова въ 1613 г., о козацкомъ походѣ въ Молдавію и о шкодахъ, причиненныхъ козаками на пути въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ 1614 г., о большомъ морскомъ козацкомъ походѣ 1615 г., въ которомъ козаки выступили 80-ью челнами, грабили окрестности Константинополя и разгромили турецкій флотъ у устья Дуная; сообщается здѣсь также о пораженіи въ днѣпровскомъ лиманѣ Али-

Б. Хмельницкаго на низовьяхъ Днѣпра представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего Хмельницкій съ соучастниками его бѣгства направился къ уединенному среди плавень Томаковскому о—ву, гдѣ въ то время находился Линчай съ своими приверженцами. (Будинскій, о Б. Хмельницкомъ, стр. 38). Линчавцы, поднимавшіе передъ этимъ мятежъ на Украинѣ и умиряемые реестровыми козаками, въ рядахъ которыхъ могъ быть и чигиринскій сотникъ, по всей вѣроятности, недружелюбно отнеслись къ новому бѣглецу, и Б. Хмельницкій съ своими спутниками отправляется „на Низъ, къ морю, на поля, къ лиману и на днѣпровскіе о—ва, объединяя въ этихъ мѣстахъ укрывающіяся отъ польскихъ полковниковъ ватаги запорожцевъ. Польскіе полковники изъ коша на Микитиномъ Рогѣ высылали противъ него отряды, но Хмельницкій разбивалъ ихъ, усиливаясь перебѣгавшими реестровыми козаками. Собравшись съ силами, Б. Хмельницкій прибылъ въ Запорожскій кошъ, гдѣ дружелюбно былъ встрѣченъ козаками. Отерывъ свой замыселъ только козацкой старшиной и не предпринимая рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ польскому отряду, стоявшему гдѣ-то, въ окрестности „залогой“, Б. Хмельницкій отправляется въ Крымъ искать союза у татаръ, а затѣмъ, возвратившись на Запорожье, истребляетъ польскій отрядъ и этимъ начинаеть возстаніе.

паши, пытавшася по Днѣпру проникнуть на Запорожье въ 1616 г., и о большомъ морскомъ походѣ, предпринятомъ козаками въ этомъ же году къ Трапезунту, при чемъ изъ похода козаки возвращались на Днѣпръ черезъ Азовское море, Міусъ и Волчью рѣку въ виду того, что Ибрагимъ-паша заступилъ имъ дорогу ¹⁾).

Всѣ эти данныя, однако, не говорятъ о прочномъ устройствѣ Запорожцевъ на низовьяхъ Днѣпра. Вслѣдъ за отмѣченными свѣдѣніями о морскихъ козацкихъ походахъ мы имѣемъ извѣстія, опредѣленно устанавливающія прежнюю тѣсную связь низоваго козачества съ городовымъ козачествомъ на Украинѣ. Такой смыслъ имѣетъ извѣстіе о томъ, что Ибрагимъ-паша, отправившись въ 1616 г. на Запорожье, разрушилъ козацкія жилища, взялъ здѣсь двѣ пушки и нѣсколько челновъ, оберегаемыхъ нѣсколькими сотнями запорожцевъ, такъ какъ остальные козаки находились въ это время въ городской Украинѣ („на wlosciach“) ²⁾. Въ слѣдующемъ 1617 г. запорожцы опустошили панскія владѣнія на Украинѣ и, уйдя на низъ, отказались прислать своихъ представителей для выслушанія условій мирнаго договора, заключеннаго предъ этимъ Речью Посполитою съ Турціею. Извѣщая объ этомъ, Жолкевскій сообщаетъ также о томъ, что на Запорожьи собралось столько „гультайства“, что трудно даже приискать слугу (на Украинѣ),—такъ всѣ быстро стекаются до ихъ „sentyny“ (лат. sentina=сбродъ, сволочь) ³⁾; заключаетъ это свое письмо коронный гетманъ мнѣніемъ, о необходимости строгаго запрещенія провозить на „Низъ“ живность и другіе потребные предметы. Не менѣе опредѣленную характеристику быта Запорожскаго козачества въ данную пору видимъ въ другомъ письмѣ Жолкевскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ упорядочить козаковъ какъ на „влостяхъ“, та и на „Низу“, гдѣ козаки „незвычайными громадами своими шкоды и кривды подданнымъ нашимъ чынять и покой посполитый зъ сусидами руйнують“. „Тѣ козаки,—продолжаетъ Жолкевскій, которые мешкають на

¹⁾ Piśma Żółkiewskiego, стр. 301—303. Отмѣчены нами не всѣ морскіе походы, предпринятые козаками въ эту пору.

¹⁾ Piśma Żółkiewskiego, стр. 309.

²⁾ Тамъ-же, стр. 284—286.

„влостяхъ“, должны повиноваться старостамъ и державцамъ, а также и панамъ своимъ, „не удаваясь ни-до-яеихъ купъ и громадъ“, а тѣ, которые будутъ на „Низу“, должны оставаться въ положенномъ числѣ въ надлежащемъ порядкѣ, съ старшиною отъ насъ назначенною“¹⁾. Существеннымъ дополненіемъ къ этимъ даннымъ о Запорожьи является рѣчь Жолкевскаго на сеймикѣ передъ сеймомъ 1615 г. „Низовые козаки—говорилъ Жолкевскій—опановали кievскую Украину и особенно поднѣпровскій край, собравшись въ немалыя войска..., опустошая пацскія владѣнія на Украинѣ и наѣзжая на владѣнія турецкаго султана и крымскаго хана“²⁾.

Такой же смыслъ имѣютъ подробности, заключающіяся въ двухъ письмахъ Запорожскихъ козаковъ къ Жолкевскому, при переговорахъ, касающихся устройства козаковъ на „влостяхъ“ и на „Низу“. Въ отмѣчаемой перепискѣ наиболѣе характерно то, что въ 1617 г. запорожскіе козаки, обязываясь исключить изъ своего войска ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, рѣзниковъ, портныхъ, kafanikow (?) balakieziow (?) и всѣхъ другихъ, примкнувшихъ къ козакамъ въ послѣдніе 2 года, согласились на всѣ требованія комисаровъ, даже на требованіе принять „старшого“ „изъ руки короля и короннаго гетмана“, хотя и оговаривались, что этотъ старшій долженъ быть выбранъ изъ ихъ же войска, ими самими, а не кѣмъ-либо инымъ; согласившись на всѣ требованія комисаровъ, козаки выговорили для себя право обратиться къ королю и сейму съ просьбой объ увеличеніи какъ размѣровъ жалованья, такъ и числа запорожскаго войска „для охраненія тѣхъ мѣсть“³⁾. Нѣсколько иное положеніе занимаетъ запорожское козачество въ 1619 г. послѣ своего успѣшнаго похода въ московское государство на выручку королевича Владислава. Теперь козаки, какъ и прежде, повторяютъ свои обязательства передъ Речью Посполитою, но самостоятельность Сагайдачнаго на этотъ разъ связывается въ весьма существенной оговоркѣ, именно, что войско

¹⁾ Тамъ-же, стр. 326—327.

²⁾ Тамъ же, стр. 507—508.

³⁾ Piśma Żołkiewskiego, стр. 318—322.

запорожское не может дать свѣдѣній о своей численности; при этомъ Сагайдачный ссылается на то, что медленную процедуру „выписки“ необходимо производить въ городкахъ на Украинѣ¹⁾.

Если принять во вниманіе послѣдующую дѣятельность Сагайдачнаго, то покорность его при переговорахъ съ польскими комиссарами приходится объяснять обдуманнѣмъ дипломатическимъ пріемомъ. Одна указанная оговорка давала возможность Сагайдачному удержать всѣ козацкія права и вольности. Дѣлая такую оговорку, Сагайдачный стремился утвердиться на Украинѣ. „Управленіе Україною—говорить на основаніи документальныхъ данныхъ В. Б. Антоновичъ—было (затѣмъ) вполнѣ въ рукахъ Сагайдачнаго. Теперь онъ даетъ болѣе широкое устройство козакамъ, раздѣляетъ ихъ на полки и присоединяетъ къ полкамъ такія области, гдѣ уже давно не было козаковъ, каковы напр.: Сѣверская область, Кіевская и другія“²⁾.

Хотя при такомъ положеніи запорожскаго козачества еще не возникла Сѣчь, какъ центръ отдѣльнаго „Низоваго запорожскаго войска“, но упоминаніе о сѣчовцахъ (sieczowcy) встрѣчаемъ въ письмахъ Жолкевскаго. Примѣнилъ такое названіе Жолкевскій для обозначенія группы низовыхъ козаковъ, пребывавшихъ за порогами и находившихся въ разрывѣ съ правительствомъ. Въ одномъ изъ писемъ коронный гетманъ извѣщаетъ ротмистровъ и поручиковъ кварцянаго войска о томъ, что „свавольные“ козаци, находившіеся на „влостяхъ“, отнеслись враждебно къ нѣсколькимъ ротамъ, прибывшимъ сюда „на становыще“, указанное короннымъ гетманомъ. „На дняхъ—сообщаетъ онъ далѣе—долженъ получитьсь отвѣтъ съ Низу, какъ намъ прены поступать sieczowcy, подчинятся-ли они постановленіямъ назначенныхъ королемъ комиссаровъ, или будутъ сопротивляться“³⁾. „Сѣчовцы“, по смыслу приведенной выдержки,—возставшіе козаки, ушедшіе на Запорожье и не желающіе возвращаться оттуда на Украину⁴⁾.

¹⁾ Piśma Żolkiewskiego, стр. 334—338.

²⁾ Антоновичъ, Лекціи 1882 г. стр. 46.

³⁾ Piśma Żolkiewskiego, стр. 421—422.

⁴⁾ Названіе „sieczowcy“ не является, по нашему мнѣнію, свидѣтельствомъ о Запорожской Сѣчи. Мы не беремъ выяснять подлинный смыслъ этого слова, но все

Не могла возникнуть Сѣчь на Запорожьѣ и въ послѣдующій періодъ козацкихъ возстаній подъ предводительствомъ Жмайла, Тараса Трясила, Павлюка и Острицы, вызванныхъ репрессивными мѣрами польскаго правительства, которое и въ городской Украинѣ, и на Низу пыталось ограничить запорожское козачество въ смыслѣ отмѣченныхъ выше предложеній Жолкѣвскаго. Что Запорожская Сѣчь не возникла въ ту пору, можно заключать уже изъ того обстоятельства, что въ 10-лѣтіе передъ возстаніемъ Б. Хмельницкаго на Запорожьѣ окончательно утвердилась власть польскаго правительства: здѣсь, кромѣ реестровыхъ козаковъ, находилась „залога“ польскихъ жолнѣровъ, при чемъ время отъ времени посылались сюда польскія войска, которыя и разбѣвали козацкія скопища. Если бы передъ этимъ временемъ существовала Сѣчь, то о разрушеніи ея были бы хоть какія-нибудь упоминанія въ записяхъ современниковъ. Между тѣмъ въ первоисточникахъ по исторіи Запорожья нѣтъ и намека на такое упоминаніе.

Для выясненія занимающаго насъ вопроса о существованіи Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ по даннымъ остатковъ старины въ этой мѣстности, мы располагаемъ совсѣмъ скуднымъ матеріаломъ. Та часть Микитина Рога, на которой, по свидѣтельству мѣстныхъ старожилонъ, были древнѣйшіе слѣды пребыванія запорожцевъ, обвалилась въ днѣпровскій протокъ, многоводную рѣчку Орлову, образовавшуюся уже въ настоящемъ столѣтіи. Слѣды земляного окопа, окруженнаго валомъ и рвомъ, находящіеся неподалеку отъ Микитина Рога, въ сторонѣ отъ Днѣпра въ чертѣ нынѣшняго Никольскаго кладбища, по самому положенію своему, устраниаютъ сближеніе ихъ съ Запорожской Сѣчью ¹⁾.

же не рѣшаемся понимать его въ значеніи „сѣчевниковъ“, обитателей укрѣпленнаго пункта, Сѣчи, и вотъ почему. Названное письмо Жолкевскаго относится къ 1614 году, между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Ибрагимъ-паша въ 1616 г. не нашелъ здѣсь никакого укрѣпленія; онъ здѣсь „внесъ доми, взялъ пару пушекъ и нѣсколько челновъ“. Бывшіе въ ту пору „на островѣ“ нѣсколько сотъ запорожцевъ, не имѣя возможности противостать турецкой силѣ, скрылись. (Pisma Żółkiewskiego, стр. 309).

¹⁾ По измѣренію Карелина валы окопа тянутся на протяженіи 750 саж. въ длину и 500 саж. въ ширину. (Записки Одесскаго общ. истор. и древн. т. VI). Воз-

Въ большей степени высказанное нами мнѣніе о несуществованіи Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ подтверждаютъ топографическія особенности этой мѣстности. Микитинъ Рогъ представляетъ довольно возвышенную мѣстность, господствующую надъ окрестностью на значительномъ разстояніи со стороны Днѣпра. Такая мѣстность, вполне пригодная для сторожевого пункта, по естественнымъ условіямъ высокаго полуострова, примыкающаго къ возвышенной правобережной степи, совсѣмъ не пригодна для пункта защиты и отступленія на случай необходимости. Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ наименьшую ширину на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ его теченія, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что это мѣсто приспособлено было сперва для сторожевого пункта, гдѣ запорожцы препятствовали татарамъ переправляться на „русскую сторону“ Днѣпра, а затѣмъ становится извѣстно, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ перевозовъ черезъ Днѣпръ съ оффиціальнымъ названіемъ „Микитинскаго“, еще со времени Андрусовскаго договора. Такой укрѣпленный пунктъ, какимъ мы знаемъ Запорожскую Сѣчь, какимъ она и по существу вещей должна была явиться у запорожцевъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, Великому луку въ связи съ днѣпровскими порогами,—такой укрѣпленный пунктъ не могъ имѣть мѣста на Микитиномъ Рогѣ тѣмъ болѣе, что и со стороны степи мѣстность эта не пригодна для обороны, такъ какъ къ Микитиному Рогу съ юго-восточной стороны примыкаетъ покатая къ Днѣпру еще болѣе значительная возвышенность,—именно та, на которой находятся слѣды отмѣченнаго выше окопа на мѣстѣ нынѣшняго Никопольскаго кладбища.

можно, что къ этому окопу относится замѣтка Мышенкаго о сооруженіи росіянами ретраншамента, въ которомъ стоялъ козацкій обозъ во время крымскаго похода въ 1687 г. (Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 69). По мѣстному преданію, отмѣченному Карелинымъ (VI т. Записокъ Одесскаго общ. исторіи и древн.) въ этомъ окопѣ помѣщался польскій отрядъ, посланный на Запорожье передъ 1649 года и стоявшій здѣсь залогомъ. Такое преданіе относится къ Томаковскому о—ву. Въ этомъ случаѣ возможно и соревнованіе жителей мѣстными преданіями, и дѣйствительное передвиженіе польской залоги съ одного мѣста на другое.

Въ самомъ дѣлѣ, если для несомнѣнныхъ мѣстъ запорожскихъ сѣчей—Старой Сѣчи надъ Чертомлыкомъ и Новой надъ Подпольной—выбраны были укромные уголки надъ Великимъ Лугомъ, въ мѣстахъ средоточія днѣпровскихъ протоковъ, какъ можно видѣть на прилагаемой картѣ, то такими же природными свойствами должны отличаться и другіе пункты, къ которымъ приурочиваются запорожскія укрѣпленныя мѣста, рассчитанныя на долговременное пребываніе въ нихъ Низоваго запорожскаго войска. Запорожскому войску со второй половины 17 вѣка, какъ извѣстно, неоднократно приходилось выступать изъ Сѣчи и укрываться въ извилинахъ и заросляхъ Великаго Луга¹⁾. Обезпеченіе возможности такого отступленія до второй половины 17 вѣка было бы еще болѣе необходимо, если бы существовалъ въ эту пору укрѣпленный пунктъ на Запорожьи. Такой пунктъ не остался бы безвѣстнымъ при неоднократныхъ попыткахъ не только со стороны турокъ и татаръ, но и со стороны польскаго правительства „wujgosc“ Запорожье, т. е. пресѣчь низовымъ козакамъ возможность держаться на низовьяхъ Днѣпра. Между тѣмъ, въ свидѣтельствахъ современниковъ, а равно и въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ Запорожью до второй половины 17 вѣка, нѣтъ указаній ни на осаду запорожцевъ въ какомъ либо укрѣпленіи на низовьяхъ Днѣпра, ни на отступленіе козацкаго войска изъ укрѣпленія въ Великій лугъ, недоступный для непріятели, какъ показали это атакованіе „Старой“ и руйнованье „Новой“ Сѣчи.

Такимъ образомъ, обслѣдованіе всѣхъ доступныхъ для насъ данныхъ, какъ историческихъ, такъ и заключающихся въ топографическихъ особенностяхъ мѣстности, приводитъ къ заключенію, что Запорожской Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ не существовало.

Мы подошли къ выясненію основнаго вопроса въ исторіи развитія Запорожскаго козачества,—къ выясненію вопроса о различіи между понятіями „запорожскій кошъ“ и „запорожская

¹⁾ Такой случай, кромѣ 1708 и 1775 гг. относится къ 1679 г. Лѣтопись Самовидца, стр. 148.

сѣчь“. Къ сожалѣнію, историческая литература не даетъ пока достаточно матеріаловъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ капитальныхъ трудахъ по исторіи Запорожскаго козачества, какъ-то труды Максимовича, Костомарова, Антоновича и, отчасти, Кулиша, не затрогивается этотъ вопросъ. Ставился онъ во второстепенныхъ трудахъ по исторіи Запорожскаго козачества. Такъ, Ригельманъ въ своемъ Лѣтописномъ повѣствованіи опредѣляетъ кошъ, какъ сборное мѣсто, названіе же сѣчи приурочиваетъ къ войсковому управленію. Мышецкій, насчитывающій 10 мѣстечекъ, очевидно, не различалъ занимающихъ насъ понятій, озаглавивъ, напр., вторую главу своей исторіи слѣдующимъ образомъ: „О прежнемъ житіи козаковъ запорожскихъ, гдѣ оныя свои главныя жилища, а по ихъ званію сѣчи, имѣли“¹⁾.

Скальковскій, авторъ „Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго“, не достаточно различаетъ понятія „сѣчь“ и „кошъ“, говоря, что „слово *Кошъ* означало у Запорожцевъ и просто Сѣчь, или столицу, и въ переносномъ смыслѣ—общину (собщине) Запорожскую²⁾. Изъ позднѣйшихъ авторовъ по исторіи запорожья, Эварницкій не выясняетъ различія между занимающими насъ понятіями, ограничившись опредѣленіемъ ближайшаго значенія слова „кошъ“³⁾. Названный авторъ, выполнившій обширную работу, посвященную исторіи запорожскихъ сѣчей, судя по характеру выполненія работы, стоитъ въ отно-

¹⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запор., стр. 9.

²⁾ Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, 1841 г., стр. 19. Въ ближайшемъ смыслѣ Кошъ—говорить въ другомъ мѣстѣ Скальковскій—означаетъ столицу Запорожья, т. е. Сѣчь, или городъ, укрѣпленный извнѣ валомъ, палисадами и башнями, окруженный рвомъ и глубокою рѣчкою.... Въ Кошѣ было главное пребываніе войска: ибо здѣсь находились *курени*, т. е. обширныя базары, служившія обиталищемъ для козаковъ сѣчевыхъ, или собственно товариства. Въ Кошѣ было сѣдалище властей (старшины) кошевого атамана, судьи, обознаго, осауда, писаря и другихъ старшинъ, также куренныхъ атамановъ, войсковою канцеляріи, арматы (т. е. артилеріи) и наконецъ пребываніе сѣчехого настоятеля, или архимандрита, главы запорожскихъ церквей и духовенства.... Наконецъ, Кошъ былъ и важнѣйшая войсковая крѣпость.

³⁾ „Кхошъ“—по-татарски—корзина, кибитка, шалашъ; вообще всякое помѣщеніе, легко переносимое. Эварницкій, Запорожье въ ост. стар., т. 1, стр. 261.

шені занимающаго насъ вопроса на точкѣ зрѣнія Скальковскаго ¹⁾). Самостоятельное мнѣніе по данному вопросу высказалъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей Никопольскій священникъ Карелинъ, любитель и знатокъ запорожскихъ древностей. По мнѣнію Карелина, основанному на живомъ изустномъ употребленіи словъ, слово „сѣчь“ обозначаетъ козацкое зойско, въ отличіе отъ слова „кошь“, выражающаго понятіе о мѣстѣ, занятомъ этимъ войскомъ. Въ такомъ смыслѣ—говоритъ Карелинъ—понимали Запорожцы слово „сѣчь“, когда говорили „сичове войско, „сичове товариство“ „сичовый скарбъ“, а никогда не употребляли выраженій „кошове вѣйсько“, „кошове товариство“, „кошовый скарбъ“. Сѣчь, по мнѣнію Карелина, „центръ военныхъ силъ Запорожья, храброе товариство, боевой корпусъ, а кошь—закрытая осѣдлость, укрѣпленный лагерь Запорожскаго войска, его резиденція, гдѣ сосредоточивались всѣ распорядженія..... въ лицѣ кошевого атамана, сего правителя республиканской общины“ ²⁾).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ по вопросу о различіи между понятіями „запорожскій кошь“ и „запорожская сѣчь“ высказаны два взгляда. По взгляду Ригельмана и Карелина, „кошь“ выражаетъ понятіе мѣста, тогда какъ „сѣчь“, по мнѣнію Ригельмана, относится къ войсковому управленію, а по мнѣнію Карелина, прямо къ войску. Скальковскій, являющійся носителемъ другого взгляда, не находя различія между этими понятіями, склоняется, однако, придавать переносное значеніе слову „кошь“, понимаемому имъ въ смыслѣ общины. Всѣ эти мнѣнія, высказанныя безъ объективныхъ основаній, мало разъясняютъ занимающій насъ вопросъ.

Попытаемся взять за такое основаніе прежде всего этимологию словъ „кошь“ и „сѣчь“. „Кошь“, какъ достаточно выяснено названными изслѣдователями Запорожья, по-татарски значитъ корзина, шалашъ, а затѣмъ, сборный пунктъ и общество людей, объединенныхъ общими интересами. Прослѣживая

¹⁾ Эварницкій, Предисловіе къ „Запорожью въ остаткахъ старинны“.

²⁾ Записки Одесскаго общ. исторіи и древностей, т. VI, стр. 528.

употребленіе этого слова въ документахъ, мы видимъ полное подтвержденіе такого его смысла. Такъ, въ договорныхъ статьяхъ, относящихся къ присоединенію Малороссіи къ Россіи, читаемъ: „За порогами люди малые коша берегутъ, понеже нельзя его самого безъ людей оставлять“ ¹⁾. Точно также въ исторіи Новой Сѣчи Скальковскаго въ подлинныхъ выдержкахъ изъ Запорожскаго архива неоднократно встрѣчаемъ донесенія полковниковъ въ Сѣчь во время походовъ „Зъ коша надъ Чичклею“, „зъ коша надъ Ингульцемъ“ и т. д. ²⁾. При сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ просьбы запорожцевъ представлялись отъ имени Коша, какъ это можно видѣть въ той же исторіи Новой Сѣчи ³⁾.

Болѣе затруднительнымъ представляется толкованіе слова „сѣчь“. Слово это, какъ понятіе, могло значительно видоизмѣнить свой смыслъ въ теченіе многовѣковой жизни южнорусскаго народа на различныхъ ступеняхъ его культуры. Первоначально слово это выражало, по всей вѣроятности, понятіе, близкое къ понятію о засѣкѣ, во всякомъ случаѣ, слово это первоначально могло выражать только понятіе о мѣстѣ. Мы не знаемъ, какіе оттѣнки получало слово „сѣчь“ по мѣрѣ измѣненія народнаго быта и козацкаго въ частности. Достоверно извѣстно только, что въ началѣ второй половины 17 вѣка слово „сѣчь“ примѣняется къ укрѣпленному пункту Запорожскаго козачества, какъ имя собственное. Историческіе акты впервые упоминаютъ только о Сѣчи надъ Чертомлыкомъ въ 1661 году ⁴⁾.

Л. Надалка.

¹⁾ Бантышъ Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. 1, приложенія стр. 124.

²⁾ Исторія Новой Сѣчи....

³⁾ Тамъ же, стр. 240.

⁴⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 31, стр. 57

2007044176

